

A vibrant, magical forest scene with large, gnarled trees, glowing fireflies, a butterfly, and a small lantern hanging from a branch. The overall atmosphere is enchanting and whimsical.

Ева Савица

**СКАЗКИ
ЗАЧАРОВАННОГО
ЛЕСА**

Исцеляющие сказки
для больших девочек и мальчиков

Ева Савина

Сказки Зачарованного леса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69563635

SelfPub; 2024

Аннотация

Сборник терапевтических трансформационных сказок, написанных по сюжетам карт Таро зачарованного леса. Особого отношения к предсказательному делу не имеют, хотя ищущий может использовать сказки как оригинальную инструкцию для более полного понимания карт из данной колоды. Сказки не детские. Они могут быть прочитаны детям, однако следует выбирать, какие именно. В любом случае, сказки написаны и предназначены для взрослых. Каждая из них – отдельная история со своими сюжетами и героями. Где-то сюжет совершенно обыденный, где-то действительно сказочный. Но все они настроены на то, чтобы служить ключами от дверей, за которыми спрятаны истинные желания, радость и счастье. Сказки помогают найти настоящего себя и закрывают дверь в страну несчастья и апатии. Одновременно показывая новые пути. Принимать аккуратно, по сказке в день, приводят к необратимым изменениям жизни к лучшему!

Содержание

Присказка	5
Старшие арканы	7
1 – "Волшебник", сказка дня	10
2 – "Ведунья", сказка дня	13
3 – "Зелёная мать", сказка дня	18
4 – "Лесной король", сказка дня	23
5 – "Старейшина", сказка дня	28
6 – "Влюблённые", сказка дня	32
7 – "Ветер фэйри", сказка дня	37
8 – "Сила", сказка дня	39
9 – "Отшельник", сказка дня	43
10 – "Волшебное колесо", сказка дня	49
11 – "Ловчий", сказка дня	51
12 – "Удерживаемый", Сказка дня	57
13 – "Чёрный Шах", сказка дня	60
14 – "Кузница", сказка дня	66
15 – "Обманщик", сказка дня	69
16 – "Безумие", сказка дня	73
17 – "Звёздный свет", сказка дня	76
18 – "Лунный свет", сказка дня	78
19 – "Солнечный луч", сказка дня	81
20 – "Собрание зверей", сказка дня	84
21 – "Целый мир", сказка дня	89

ЗАКЛЯТИЯ	93
Туз заклятий, сказка дня	94
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ева Савина

Сказки Зачарованного леса

Присказка

У одной сказочницы жила-была необычная колода карт Таро. Волшебные картинки с волшебными существами на них. И название соответствующее: «Таро Зачарованного леса». Тихо-тихо карты шептали свои сказки, пока сказочница не услышала их и не стала записывать. Так родились они – сказки Зачарованного леса.

Ровно семьдесят восемь сказок, по числу карт в колоде. Но от Таро здесь только названия. Ничего более. Никаких предсказаний, никаких гаданий, ничего, кроме сказок. Они – разные, короткие и длинные, волшебные и отображающие обыденную реальность, с названиями и без. Но все про жизнь, про нас и тех, кто рядом.

Как их читать, решать тебе, читатель. Ты можешь сделать из них сказку дня и читать по одной в день, с утра пораньше. Или прочитать все сразу, невзирая на то, что за окном: светит ли ещё солнце или уже наступила ночь. Можешь открывать на случайной странице, отдаваясь на волю сказочного провидения – пусть оно подскажет самую нужную тебе сейчас историю. Или читать по порядку, строго следуя наме-

ченному пути.

И да, ты, конечно, можешь найти ту самую колоду и сверяться с картинкой, что несёт та или иная карта. Или вытаскивать каждое утро новую карту и читать её сказку. А можешь дать себе волю и «нарисовать» все сказочные сюжеты самостоятельно в своём воображении.

Выбор остаётся за тобой. Но помни, сказки Зачарованного леса могут изменить тебя и твою жизнь, вытащить из мутной пелены привычности, исцелить больное и ноющее, и развеять апатию и тоску, будто их и не было. Они способны напомнить тебе, о том, кто ты на самом деле, и подтолкнуть в твой собственный путь.

Пора отправляться. Потому как это была присказка, а сказка, как водится, впереди. В добрый путь!

Старшие арканы

0 – Белый олень, сказка дня

Когда в жизнь приходят неожиданные перемены и ломают привычное и нажитое, не спрашивая нас, на короткий миг кажется, что всё пропало. Мир затягивает серая, а то и чёрная пелена, слёзы щедро льются на свежие раны, заставляя их болеть ещё сильнее. Там, впереди, больше не видится светлое, красивое, хорошее. Только мрак и глад, только ужас.

Не важно, что именно происходит. Уходит ли дорогой, любимый человек только от тебя или насовсем из жизни, за грань, из-за которой не возвращаются. Рушится ли на самом последнем этапе то, что долго и упорно строил. Кончатся ли последние силы у твоего тела и оно ложится навзничь, не способное больше двигать и жить.

А может просто подламывается каблук на новых туфлях или недобро зыркает продавщица в магазине в ответ на невинную просьбу, что становится последней каплей для погружения в серое, беспросветное отчаяние. Отчаяние, из которого сложно выбраться.

Ведь там внутри тепло и уютно. Оно нашёптывает тебе, как жесток и беспощаден мир к его созданиям, как немилосердно он с ними играет и меняет в угоду своим прихотям. Как жестокий ребёнок, отрывающий руки и ноги кук-

лам. Боль снова и снова скребёт чёрными когтями душу, распалосовывает грудь и вытаскивает сердце. Тычет им тебе в лицо, шипит: «Помни, помни!»

Не давая ни на мгновение забыть о том, что случилось.

Хотя забытьё тоже может прийти. Как спасательная капсула, как шлюпка, в которой ты уносишься по волнам безразличия ко всему, и к себе в том числе. Там нет ничего, никого, в этом забытьё. Ни голосов, ни лиц, тишина и покой. Мертвенный, но покой.

Тому, кто познал эту сторону нежизни, кто стоял на грани, раздумывая – а стоит ли продолжать? – становится не страшным многое из того, что пугает других. Душа его, окунувшись в мёртвое море забвения, уже никогда до конца не возвращается в привычный мир, наполненный движением, яркостью, голосами. Всегда наготове маленькая лодка, в которой можно оттолкнуться и исчезнуть из этого мира. На какое-то время или навсегда: каждый раз решается заново.

С одной стороны, это страшно. Какой-то частью души оставаться на грани, помнить о том, что жизнь хрупка и конечна, оборвать её ничего не стоит. С другой...

С другой, эти люди становятся особенно бережны к другим, к их жизням и душам. Именно потому, что жизнь хрупка, а человеческие души и тела так легко ломаются. Их можно починить, но что делать со шрамами? Особенно невидимыми, но болящими.

Такой человек может казаться странным и слишком мяг-

ким. Он не будет спорить и зря тратить силы, не станет переубеждать того, кто настойчиво лезет в самое пекло, и не пойдёт спасать всех вокруг. Но к нему можно прийти просто помолчать, принести свою боль, недоумение, горечь. Он выслушает и поймёт. Примет тебя таким, какой ты есть. Исцелит молчаливой поддержкой и вниманием.

С ним нет нужды притворяться и расшаркиваться, оправдываться и пытаться быть лучше. Ты можешь принести себя настоящим. Того, кто плавал по мёртвому морю забвения, сложно чем-то удивить, возмутить, вывести из равновесия. Он принимает жизнь и мир вокруг во всём его многообразии, даже том, что далеко выходит за пределы очерченного человеческими нормами и моральями.

Являясь сам, по сути, хранителем равновесия, проживая свою жизнь на грани между ней и тем, что за ней, он сохраняет хрупкое так, как умеет, исправляя то, что можно. Исцеляя иногда одним своим присутствием. Потому что точно знает: там, за гранью, ничего нет и допрожить то, что ты откладываешь, уже невозможно никогда.

1 – "Волшебник", сказка дня

Живёт в краю далёком Волшебник. Дом его заставлен книгами и разными странными штуками. Висят пучки трав, стоят стеклянные колбы с таинственными веществами внутри, а из глубины полки сверкают жёлтым совиные глазищи.

Творит Волшебник всякое-разное, экспериментирует. Раскладывает на столе сухие корешки, ключи и ножи, черепа мелких зверьков, поливает светящимся зельем из очередной колбы или посыпает травным порошком, водит руками. И струится из ладоней серебряный свет, падает на стол, рождает загадочное, таинственное, волшебное.

Много путей пройдено Волшебником, много опыта за его плечами. Книги, тетради, записи – в них только малая толика накопленного. Да и что те книги, бумажная, чужая мудрость. Заимствованная. Любит Волшебник всё проверить, попробовать на зуб, сотворить то, что ранее никто не делал и не пытался. А накопленное мастерство покажет те грани, что не следует преступать в порыве творчества и любопытства.

Приходят к нему всякие, манят, заманчивое обещают. Сила накоплена у Волшебника немалая, вот на ту силу и облизываются. Только знает Волшебник, что вместе с силой нужна ответственность и всегда рядом их держит. Не заманишь его на тёмную сторону, не соблазнишь никакими печеньками. Усмехнётся в белую бороду и уйдёт к своему дому, пол-

ному уютных запахов – книг, трав, волшебства.

Он уже точно знает, куда нельзя, куда можно. И в этом «можно» готов бесконечно исследовать и расти вширь, а в «нельзя» уж слишком непомерна расплата за секунду удовольствия. Не готов Волшебник на такой размен.

Так и живёт: изучает, исследует, пробует. Точно знает, кто он и что стоит. Не страшится признать того, что не знает и знать не хочет. И начать изучать то, что пока неизвестно, но интересно.

«Какая разница, – думает Волшебник, – столько тебе лет, где ты живёшь и каков ты внешне. Никогда не поздно начать, никогда не рано закончить, если понял, что больше не надо. Главное: научиться слушать себя и следовать своей душе, а не чужой мудрости».

Приходят к Волшебнику люди, несут свои горести, свои болячки. Выслушает тот просящих, кому даст колбу с зельем, кому отсыплет трав, а кому сразу откажет, дескать, нет у меня лекарства от твоей беды и никто тебе не поможет, кроме тебя самого.

Не обращает внимания Волшебник, что говорят люди за его спиной, хвалят или ругают. Он точно знает, кому помощь возможна, а на кого и сил тратить не стоит. И не будет: уговаривай – не уговаривай, хоть золотые горы ему посули. На то он и Волшебник, что видеть такие вещи сразу.

Потому как не страшно отказать, страшно взяться за непомерное, сил своих правильно не рассчитав, по причине глу-

пости ли, жадности ли, тщеславия ли. Взяться и сломаться от ноши той непосильной. Не везде человеку вмешиваться полагается, и спорить с тем, что его сильнее, Волшебник не собирается.

Ну а коли случай незнакомый, но интересный, затеет Волшебник эксперимент. Обещать ничего не будет, скажет «попробуем» и начнёт пробовать то и другое, творить волшебство новое, совершенствовать своё мастерство. Глядишь, человеку поможет и сам в опыте подрастёт. Погладит бороду довольно, запишет очередное знание и дальше живёт, творит волшебное.

Каждому то волшебство подвластно, если не бояться менять и меняться. Да на возраст и внешнее не особо оглядываться. Стать Волшебником своей жизни – самое главное волшебство.

2 – "Ведунья", сказка дня

Рядом с лесом в маленькой избушке с резным крыльцом живёт Ведунья. Летними днями она неутомимо ходит по полям и лесам, собирает травы, веточки, камешки и косточки. Чего только нет в её большой суме.

Зимними же, долгими вечерами Ведунья топит печь, жжёт свечи, заваривает терпкий чай из летних трав и ставит на стол вазочку с малиновым вареньем. Тому, кто пришёл к ней за помощью.

Выслушает молча, не перебивая, не уточняя. Дождётся, пока человек выговорится, перестанет бросаться словами, пока слёзы прекратят литься сами собой. И подвинет поближе вазочку, подольёт чай. Скажет:

– Пей, милая, пей. Хороший чай и варенье хорошее.

Трещит огонь в печь, подрагивает огонёк свечи на столе, покачиваются тени в углах комнаты, мягкие, уютные, как кошки. Придёт оттуда большой чёрный кот, потрётся о ноги Ведуньи, муркнет коротко и снова спрячется где-то в тенях.

Раскладывает Ведунья на столе карты. Старые, потрёпанные, от времени края уже расходятся. Да и картинки кое-где еле различимы. Ложатся карты с шорохом, рассказывает тихий голос историю тому, кто сидит напротив. И чувствует он или она, как отпускает боль в сердце, как проясняется будущее и появляется внутри огонёк надежды, веры в лучшее.

Просидят всю ночь, проговорят. А утром, лишь забрезжит над лесом рассвет и яркое огненное солнце, потягиваясь, выглянет из-за зубчатой линии горизонта, Ведунья проводит гостя или гостью. Выдаст мешочек трав и плетёный оберег в придачу. В том обереге нити по кругу связаны, меж собой узелками скреплены. В узелках чего только нет – и травки сухие, и веточки, и косточки мелкие затесались.

С виду никакого порядка в том переплетении, а приглядишься, ан нет, вот же оно, тянется тропиночкой главная нить. Ровно, как жизнь человеческая, со взлётами и падениями, с удачами и невзгодами. Кто-то идёт по тем горкам легко, отпускает и принимает. А кому-то цепляется, душу карябает, бьёт навывлет, разбивает хрупкое равновесие внутри. Замирает душа человеческая, закрывается в боли, ничего не видит, ничего не слышит. Ходит человек по свету, боль свою баюкает, слушает её песни. А та гнёздышко совьёт и подьедает его потихоньку.

Кто так и живёт дальше, а кто найдёт в себе силы, порой соскребёт их остаточки. Пойдёт, поползёт помощь искать и добредёт до избушки с резным крыльцом. И снова будет гореть свеча на столе, снова будут таиться тени в углах, принохиваться, приглядываться. Снова будет говорить Ведунья, вести разговор с самой душой, выманивать боль на свет. И только высунется та, только покажется, как налетят тени и утащат в своё логово. А коли тени не справятся с первого раза с болью, кот подмогнёт. Вцепится боли в холку, никуда

не отвертится, уйдёт, как миленькая.

А уж куда тени боль утащат, про то нам знать неведомо. Ведунья ведаёт, но не расскажет. Не всё людям обычным знать надобно, не обо всём ведать. Ведунье положено по-меж мирами ходить, дружить с тем миром и этим, чем она и занимается. А человеку, что за помощью пришёл, какая разница, кто его от той боли освободил и как.

Уйдёт он рано утром по тропинке, что сама под ноги покатится. И забудет вскорости про избушку лесную да про Ведунью. Тихо на душе станет, спокойно. Заживёт жизнью хорошей, радостной. Куда в жизни той вспоминать о прошлом, больном и пакостном. Некогда, жить надо.

Ведунья и не в обиде. Не для славы она делом своим занимается, не для хвастовства. А для того, чтоб хоть малой частью, но целить мир вокруг, тех, кто боль внутри носит и наружу той болью истекает. И нет ей дела до морали и правил, людьми придуманными. Живёт она по другим правилам, по другим законам, не всегда понятным обычному человеку.

Не просто стать Ведуньей. Сначала самому надо прожить больное, душу выворачивающее, выносящее её наизнанку. Собрать себя заново, вырастить, пройти и ненависть, и ярость, и гнев. Пожить между жизнью и смертью, походить по кромке. И вернуться к жизни, оставив часть души в том, сумеречном мире за гранью.

Бесстрашна Ведунья, сложно её напугать, сложно подцепить. А то, что ей дорого, защищает она крепко-накрепко.

И загрызёт любого, кто на то дорогое посягнёт. Непростой путь она проходит к избушке своей и не каждая может стать Ведуньей. Хотя каждой и не надо.

Горит свеча на столе, ложатся карты с тихим шорохом, вьётся колечками парок над чашкой с терпким чаем. Ведунья занята делом, некогда ей отвлекаться на всякие глупости. Она ведаёт, как будет и как надобно, но сама никогда никому не расскажет. Кто спросит, тому откроет тайны, а кто промолчит, значит, ему и не надо.

Бывает так, не нравится человеку ответ, что даёт Ведунья. Начинает он кричать, кулаком по столу стучать, пугать её всяческим. Тогда она легко улыбнётся, дверь откроет молча и выставит человека за порог – не готов он правду услышать, следовательно, и помощь ему не нужна.

А коли человек уходить по воле своей не захочет, выйдут из углов тени, загорятся глаза их красным, зашуршат что-то странное, страшное. И вылетит наглеч из избушки весь в холодном поту, побежит по тропинке, на кочках лесных спотыкаясь и назад не оглядываясь. Будет в спину ему нестись уханье да крикание, смешки мерзкие, подгоняя бежать ещё быстрее.

Погладит Ведунья верных помощников своих и защитников, закроет дверь, обойдёт дом с пучком чабреца дымящего, полы с солью намочит. Вычистит всё вокруг от того смердящего, что с гостя нападало. И снова займётся своими делами.

Каждый сам выбирает свой путь. И дойти до Ведуньи надо тоже самому. Тогда только толк от помощи её будет. Так заповедовано, так положено. На том и стоим.

3 – "Зелёная мать", сказка дня

Мама, мама, мамочка. Милая, любимая, щедрая, принимающая и дающая. Мама, которая любит просто так. Просто потому, что ты её дитя. Ею в этот мир приведённое. Любви в сердце матери столько, что кажется, она может обнять весь мир. Заполнить собой все ложбинки и трещинки, залечить все ранки. Мама подует, погладит и всё, ничего не болит, можно бежать дальше.

Где-то там, в глубине веков, Праматерь довольно кивает головой, поглядывая, как тянется нить любви, нежности, радости. Как становятся мамами вчерашние девочки, как раскрываются их сердца к детям, что доверчивыми ромашками тянутся навстречу. Навстречу самым тёплым и заботливым объятьям.

Мама, мама, мамочка. И любовь изливается в мир, исцеляя его. Успокаивая. Мать качает весь в мир в руках. Тшш, спи, засыпай, радость моя. Льётся колыбельная, слово к слову, плетётся нежная нить, искрящая, тонкая, крепкая, покой наполняет всё вокруг.

Мать гладит мир и от кончиков пальцев её любовь разбегается тонкими ручейками. Там, где горячо и остро, собирается в лужицы, озёра любви. Впитывается в души людские и вчерашние враги начинают недоумённо оглядываться. Зачем они на поле боя с оружием в руках? Что и кому они до-

казывают?

Мы все едины, все вышли из материнского чрева, нас всех выносила женщина.

Бряцает оружие о землю, падает и застывает безмолвным памятником человеческому безрассудству и жестокости. Пустеет поле боя, уходят люди домой. Пахать землю, растить хлеб, праздновать жизнь.

Мать гладит мир и любовь охлаждает разгорячённые головы, пробуждает забытые чувства в тех, кто почти сдался перед силами зла и тьмы, напоминает о радости. Начинают блестеть глаза и улыбки, пока ещё робкие, освещают усталые лица.

Любовь, как дуновение ветра, как глоток холодной воды в жаркий полдень.

Мать гладит мир, и тихо-тихо падают слезинки, хрустальными капельками разбиваясь о землю. Она плачет о тех, кто уже никогда не вернётся. О тех, кто уже не повторится в жизни. Никогда. Ушедших туда, за грань, откуда не сможет достать никакая любовь. Их остаётся только помнить. Для приводящей жизнь в мир каждая окончившаяся, как шрам на сердце. Тонкий и малозаметный, но ноющий холодными ночами. Она жалеет и плачет обо всех, не делая различий. Все рождены матерью.

Мужчина благоговейно прикасается к круглому животу той, что носит новую жизнь. И осознание своей причастности к таинству наполняет его сердце, заставляет биться ча-

ще. Любовь льётся из глаз матери и, переливаясь через край, омывает мужскую душу, исцеляет и успокаивает.

Праматерь довольно качает головой и едва уловимо поглаживает своих дочерей, плетёт и плетёт вечную нить. Нить, что тянется через столетия, века, от женщины к женщине, от матери к матери. Любовь и нежность.

Но где-то нить завязывается на узлы. Крепкие, морские, просоленные горькими слезами отчаяния и безнадёжности. Закрывается женское сердце, запирается на все засовы и замки, леденеет. И любви невозможно туда попасть. Хмурится Праматерь. Раз за разом пускает любовь к упрямому сердцу, стучит в закрытую дверь, напоминает и напоминает.

– Смотри, – говорит Праматерь, – вокруг тебя столько жизни. Птицы, травы, деревья. Уйди в лес, в степь. Стань сама на время травой. Прорости в землю, вцепись в неё всеми корнями. Покачайся под вольным ветром, потянись к горячему солнцу.

Стань волчицей. Беги вместе со стаей. Чувствуй, как сильные ноги несут тебя, как кровь горячими толчками будит уставшее сердце, размораживает и оживляет его. Пой под лунной, подняв узкую морду. Пой о своей боли, о своём горе, о своей печали. Расскажи её луне, горам, степи, ветру.

Почувствуй, как открывается сердце. Как вливается в него жизнь, входит любовь. И только потом обернись женщиной и вернись к людям.

Женщина уходит в лес, в горы, в степь. Её никто не по-

нимает, осуждают, недоумевают. А она никого не слушает. Маленький домик на краю селения, грядки, вода из колодца, печка, простой завтрак и ужин.

Она уходит далеко в степь, долго бродит меж травами. Ложится на твёрдую землю, раскинув руки. Горечью пахнет полынь, оседает на лице, просачивается внутрь, проходит сквозь тело. Забирает с собой горечь из души, уносит, очищает, исцеляет.

Она воеет с волками и качается вместе с травой. Бежит родниковой водой и отдаётся на власть ветра, позволяя ему нести себя, куда угодно. Там в вышине она расправляет сильные крылья и глядит на себя, своё тело, распостёртое на земле, зоркими сокольными глазами.

Она чувствует, как жизнь, обычная земная жизнь, наполняет её, пропитывает полностью. Другая сила вливается в сердце, другая любовь рождается там. Мудрая, принимающая, понимающая. Материнская.

Женщина уезжает и сельчане гадают, появится ли она вновь. Странноватая, непохожая на других. Уже вписанная в общий рисунок незамысловатого сельского бытия. Да и травы, что приносит она из долгих своих блужданий, куда как сильны и наполнены самой сутью жизни.

Женщина возвращается. Не одна. Робко жмётся к ней маленькая девочка, крепко держит за ладонь свою маму. Не рождённая женщиной, но принятая, как родная. Удочерённая любовью.

Праmaterь довольно качает головой. Снова тянется нить любви, звенит едва слышно. Спит девочка в кровати, смотрит на неё женщина, льётся из глаз её любовь, баюкает мир в своих объятьях.

4 – "Лесной король", сказка дня

– Отец! – прозвучало над лесом слово.

Прозвучало, прошелестело над кронами деревьев, постукалось в дупла и норки. Заворочался медведь в чаще, заскакали по веткам белки, возбуждённо тараторя. Кто пришёл в заповедный лес? Кто посмел нарушить тишину?

– Отец! – снова раскатилось звонким голосом. Побежали зверьки, полетели птицы и даже медведь, переваливаясь с лапы на лапу, поспешил взглянуть на наглеца. Все сбежались на опушку лесную, выглядывают из-за кустов, из-за деревьев, во все глаза рассматривают, кто явился незванным гостем.

А тот стоит, молодой, красивый, буйные кудри по ветру развиваются, глаза юношеским задором сверкают. Рядом лук большой, о землю одним концом опёртый, вертикально стоит, дрожит на нём струна натянутая, того, гляди, запоёт. Да и сам гость, как та струна: тонкий, звонкий, напряжённый. Вид держит ровно, будто и не боится вовсе, а у самого всё внутри от страха онемело. Да только дай слабинку, только выдохни, нападут разом, разорвут. Вон как глазищами сверкают из-за каждого куста, каждого дерева.

Тут зашелестела листва, закачались травы. Идёт Лесной Король проверять, кто лесной покой нарушает, зверей, птиц полошит, пугает. Вышел на опушку, смотрит на парня во-

прошающе, а тот на Короля Лесного. Стоят друг против друга, молчат, ничего не говорят. Тут-то и смекнули жители лесные, что похожи оба, как две капли воды, ровно с одного теста слепили. Только один постарше, вон уже и седина в бороде серебрится, а второй помладше, совсем ещё юнец.

– Отец?! – спросил юноша, не решаясь ближе к Лесному Королю подойти. Тот мужчина осанистый, крупный, кряжистый, как дуб многолетний, что всеми корнями в землю врос. Чувствуется в нём мощь, власть великая, которая не просто так даётся.

Шёл сюда юноша в ярости, готов был разорвать нечисть лесную, что мать его когда-то соблазнил и бросил. Лук с собой взял, думал поразить обидчика в самое сердце, потом – будь что будет. А как увидел, так и оробел. Нечеловеческая ведь сила, куда там с луком соваться, человеку обычному.

Подошёл Лесной Король к юноше вплотную, в глаза заглянул, за подбородок взял, туда-сюда лицо повертел.

– Верно, – говорит с удивлением. – Мой сын. Чего пожаловал?

Тут проснулась снова ярость в юноше и от действий Короля Лесного и от слов его. Ишь ты, как спокойно говорит, словно всё равно ему. Отскочил подальше, лук подхватил и уже со стрелой на отца наострил. Подрагивают пальцы, стучит сердце, дыхание горячее вырывается, того и гляди, спустит стрелу, вопьётся она в самое сердце того, кто напротив стоит.

А тот рукой повёл вокруг, где звери лесные за всем этим действием наблюдали, и усмехнулся:

– Неужто не боишься на меня стрелу наставлять? Мне-то ничего не будет, а тебя разорвут слуги мои верные, ни следочка не оставят.

– Не страшно! – кричит парень молодой. – Тебя убить мало, нечисть лесная.

– И за что же ты так меня ненавидишь? – снова спрашивает Лесной Король да ещё участливо так смотрит, спокойно, будто и правда интересно ему.

– А то! – закричал парень, – что двадцать лет назад ты мать мою обманул, обрюхатил и беременной бросил.

– Было дело, – усмехнулся Король. – Только не обманул. Сама она, матушка твоя, со мной в лесу оставаться не захотела, к людям вернулась. Да и не с пустыми руками – даров я ей подарил три телеги. Ей на те дары и дом справили хороший, и саму приодели, и ты не на лавку родился, да и щи пустые отродясь не едал. Да ещё каждый год по две телеги посылал даров всяких. Иль откуда думаешь, они на ваш двор заезжали?

Сколько раз мать твою обратно звал, своей королевой бы сделал, любил бы, уважал, на руках носил. Нет, не захотела она в мой терем лесной уйти, всё к людскому теплу тянется. Как она там, голубушка моя? – потеплел голос Лесного Короля, стоит, на сына смотрит ласково.

А тот растерялся, лук опустил, не знает, что сказать. На-

конец отмер:

– Жива, здорова. Рассказала мне про отца. Я и собрался сюда...

– Справедливость чинить? – Лесной Король по-прежнему смотрел с теплотой.

– Ну да, как бы, думал, ты мать обидел, а я вот, такой сын хороший, защищу.

– Справедливость, сынок, она тяжело даётся. Мать твоя может уже и пожалела, что ушла к людям, да теперь что уж сделаешь. Осталось плоды решений своих пожинать. Смотри, можешь и ты со мной остаться. Мне давно помощник да приемник нужен. Большие у меня владения, каждого рассудить надобно, не успеваю порой за всем уследить. Коли желаешь, то сходи, с матерью объяснись да передай ей от меня весточку и послание, что жду её по-прежнему. Возвращайся один или с ней, буду ждать.

Ушёл в чащу Лесной Король, за ним следом и звери разбежались. Повернул и юноша к дому. Уж что там было, сказочнице про то неизвестно. Да только сказывают, что продала Митрофановна, мать, значит, юноши, дом свой богатый да в чужие края с сыном подалась.

И только звери да птицы видели, как пришли к Заповедному лесу женщина с парнем, как встретил их Лесной король, как голубил он свою королеву долгожданную. Ушли они вглубь леса и следы их там затерялись.

А ещё поговаривают, что стали в лесу вместе со старым

Королём Лесным молодого юношу видеть, точь-в-точь, только глаза серым вместо зелени отливают. Кто утверждает, что молодой и есть сын Митрофановны, но никто им не верит. Виданое ли дело, чтобы люди в лесу жили. Да с Лесным Королём леса обходили.

Правду знает только лес заповедный, но на он и заповедный, что никому ту правду не открывать.

5 – "Старейшина", сказка дня

Жило на свете белом одно племя. Всё у них хорошо складывалось, век от века жили, дома строили, детей растили, стариков не забывали, словом, друг друга не обижали и делами радовали. И был в племени том Старейшина. Тот, кто рассуждал споры, разрешал противоречия и хранил в памяти своей все обряды, обычаи и традиции. К нему приходили за мудростью, за знаниями, и со всеми Старейшина щедро делился.

В селении он не жил, а жил в лесу, возле старого дуба, что от времени стал необъятен руками. В огромной кроне там и сям виднелись сухие ветки, но он по-прежнему давал кров птицам, что селились меж ветвей, и мелким зверькам, которые сновали меж корней.

Старейшина жил в небольшой избушке, примыкающей к дубу и не имеющей одной стены, её заменял древесный ствол. От того казалось, что жилище вросло в дерево и стало его частью. А может, так оно и было, кто его знает. Говорили, что Старейшина умеет разговаривать с животным и растительным миром, может, и избушка его была выращена самим дубом.

Тем более что никакого очага для огня там отродясь не водилось, а отыскать её зимой без желания хозяина было невозможно, так хорошо скрывал снег крышу и стены. Хо-

тя Старейшина всегда точно знал, когда его помощь нужна и выходил к людям, не заставляя искать себя по сугробам и холоду.

Шло время, племя разрасталось, Старейшина всё так же жил в своей лесной избушке и всё так же не менялся. Люди, следующие его советам и чтящие традиции, уважали и чтили самого Старейшину и всегда приносили щедрые дары. Ведь он никогда не ошибался и знания его помогали поддерживать саму жизнь племени.

Правда, не всем они нравились, эти советы, не всегда они были по душе спрашивающим. Так, Старейшина мог посоветовать выдать девушку замуж не за того, кто был дорог её сердцу, а совсем за другого человека. Жили они потом и, правда, хорошо – и дом полная чаша, и дети здоровые, и даже чувства появлялись друг к другу, но... Где-то в глубине души вспоминала девушка прошлое и грустила о том, что не сбылось.

Или по совету Старейшины отдавали юношу в обучение скорняку, а не кузнецу, как тот хотел. И, действительно, вдруг открывался у него талант необыкновенный и изделия его расходились за тридевять земель. Но всё же иногда юноша, проходя мимо кузницы, вздыхал, глядя на отблески огня в приоткрытую дверь.

Говорили также, что если те, кому его советы сначала не по нутру пришлись, да верными оказались, к Старейшине придут и попросят от тоски по несбывшемуся избавиться, то

скажет он заветные слова и отпустит человека тоска-печаль. Перестанет грустить и вспоминать, станет жить настоящим, радоваться тому, что есть.

Были и те, кто не соглашался. Кто сбегал из племени, один или парой, и строил другую жизнь, независимую от прежних традиций и устоев. Что с ними дальше было, никто не ведал. Только Старейшина иногда улыбался молчаливой улыбкой, знал он, кому было надобно в путь-дорогу отправиться. Тому и были сказаны нужные слова.

Долго ли коротко жило племя, но однажды Старейшина явился во сне к Вожаку и велел прислать к нему несколько мальчиков и девочек. Не совсем маленьких, а тех, кто уже сам себя обслуживать умел и в голове разумение имел. Отвели люди в лес детей, сами не знают, что думать. Никто не понимает, что Старейшина задумал. Вдруг от мудрости с ума сошёл и с детьми что-нибудь сотворит. Боятся люди, думами мучаются.

А через семь дней дети сами вернулись. Смотрят на них родители, вроде как их дети и не их, отличное в них появилось. Глаза другие, более мудрые что ли. Устроили на радостях пир большой, собрались на площади, столы накрыли. Только уселись, поднялся один юноша из тех, что у Старейшины пребывали, и передал слова его.

Дескать, уходит Старейшина в горы высокие, в места далёкие. Потому как времена меняются и нет у него больше сил перемены те сдерживать. А так как не может он людей

без закона и правил оставить, то передал его тем, кто будет нести закон по жизни дальше. За семь дней повел он детям все знания свои и мудрость накопленную за годы. Дальше им нести закон и традиции, и к ним теперь за советом и опорой обращаться надобно.

Замерли люди от удивления – как же так, ведь столько лет Старейшина с ними был, привыкли уже. Кинулись к дубу заветному. Ан нет ничего, стоит дерево как дерево, никаких избушек вокруг. И Старейшины, конечно, след простыл.

Ну что сделаешь, надо жить по-новому. Сначала странно было к детям за советом ходить, но со временем привыкли. Да и дети подрастали и выросли. К взрослому-то можно за помощью сходить, особенно если нужда сильная. Кто-то стал и к себе самому обращаться, себя слушать, что ему хочется. Внутренний закон соблюдать. Так и пошло с того времени, научились люди не только к кому-то за советом бежать, но и внутренним надобностям следовать, собственным измышлениям доверять да собственные пути-дороги торить.

А Старейшина отыскал себе лес погуще да непролазнее, в самой чаще его избушку заново выстроил и живёт себе, в усы посмеивается: «Вот и замечательно. Учитесь жить своим умом. А то взялись, чуть что, за каждой мелочью, ко мне бежать. И я же потом виноват – не тот совет дал. Дак решайте сами и некого обвинять будет.

Устал я, отдыхать дальше буду. Пусть каждый идёт своим путём и несёт свою ответственность».

6 – "Влюблённые", сказка дня

– А ты меня любишь?

– Ага.

– И я тебя.

Шорох, звук поцелуя, тихий смех.

Дуб, у корней которого лежала парочка, чуть качнул листвою: «Молодёжь».

Сколько таких влюблённых здесь стояло, сидело и лежало. От совсем юных, когда любовь только-только прикасается краешком крыла к нежной душе. До умудрённых опытом, у которых запеклись на сердце болезненные шрамы предательства, обид и потерь. Все они вели себя одинаково – хотели верить. И верили. Пусть на краткий миг, на секунду, пусть сквозь сомнения и тернии прошлого опыта, но верили. Словам любви, поцелуям, обещаниям, что так легко раздаются в розовом тумане влюблённости.

Видел дуб парочки, у которых глаза горели одинаковым светом. Видел и те, в которых горело только одно сердце, а второе а лишь притворялось, изображало свет любви. Но тот, кто хочет верить, поверит и обманным картинкам.

Видел и женские фигурки у своих корней, склонившиеся, словно молоденькая берёзка, не выдержавшая тяжести снежной перины на ветвях. Они горько рыдали, оплакивая крушение любви, и причитали о том несбывшемся, что так

манило и звало.

Мужчины не рыдали. Они молча сидели и лишь плечи вздрагивали время от времени. Кто-то яростно носился вокруг, молотя воздух в бессильной злости и невозможности изменить хоть что-то, вернуть потерянный рай.

Потом эти же люди приходили с другими и снова глаза их горели ярким светом надежды, веры в чудо и любви. Или не приходили, и дуб понимал, что они заперли сердце на крепкий замок и больше уже никого в него не пустят.

Парочка угомонилась. Девушка, сидящая спиной к древесному стволу, задумчиво разглядывала парня, что лежал на её коленях. Небрежно отброшенный колчан, из которого выглядывали стрелы, лук, прислонённый к дереву, парень был охотником и в лес сбежал под предлогом охоты. Девушка же отправилась как бы поискать ягод, самое время для них.

Но, конечно, никакой охотой – ни на лесных зверьков, ни на ягоды, они не занимались. Встречались в лесной чаще под большим дубом и долго болтали или вот так молча смотрели друг на друга. Прекрасно зная, что в селении им даже виду нельзя подаваться о своём знакомстве и, тем более, влюблённости. Слишком разные семьи, слишком амбициозны родители.

Девушка наклонилась к парню и нежно поцеловала его в губы.

– Надо идти. А то хватятся, пришлют за мной слугу. Те-

бя увидят. Меня к тётке в город отправят и на тебя управу найдут.

Парень вдруг подскочил, зашагал по поляне туда-сюда, заговорил горячо:

– А давай убежим? Я знаю тайную тропу на ту сторону долины. Скажем, что мы муж и жена, снимем домик и будем жить.

– Жить..., – задумчиво повторила девушка. – Жить. Как мы будем жить? Ты охотиться, а я ждать тебя дома? И как мы будем говорить, что мы муж и жена, хотя такими не будем. Нехорошо это. А если дети появятся? Их же тоже надо кормить, одевать.

– Нуу, – протянул парень. – Я не думал об этом. Как-нибудь.

– Вот в том-то и дело, что не думал. Я очень тебя люблю и готова замуж хоть завтра, но ты ведь совсем не думаешь о том, какой будет семейная жизнь. Любовью сыт не будешь, надо и об обычных вещах помнить.

Юноша снова походил по поляне, задумчиво потирая подбородок.

– Я понял. Ты права, конечно. Я могу пойти в артель, отправиться с ними на промысел. Заработаю денег. Будет на что дом купить и заплатить священнику, чтобы обвенчал нас без разговоров. Да и на жизнь останется.

– Хорошо, – сказала девушка. – Такой план мне нравится больше.

– Вот только одно меня смущает, – парень сел напротив возлюбленной и взял её за руки. – Дождёшься ли ты меня? Не посватают ли тебя раньше, чем я вернусь?

– Глупенький, – рассмеялась девушка. – Как придут эти сваты, так и уйдут. Батюшка меня неволить не будет, за нелюбимого не отдаст, а уж к чему придраться я найду.

– Так почему бы мне тогда просто сватов не заслать и дело в шляпе? – пылливо спросил юноша.

– Ишь ты, какой приткий, – улыбнулась девушка. – Как ты себе это представляешь? Сам же знаешь, почему тебе и пробовать не стоит. По крайней мере, сейчас. Вот заработаешь денег, станешь на ноги покрепче, тогда и придёшь. Может и уступит отец моим просьбам.

– А это мысль, – задумался парень. – Всё, решено! Сегодня же запишусь в артель и пойду за зверем. Ворочусь с богатством и тогда свататься приду. Только ты меня дождись! – он стиснул тонкие девичьи ладони в своих руках.

Больше эту парочку дуб у себя не видел и не знал, что с ними случилось. Смог ли парень заработать достаточно, чтобы стать завидным женихом? Дождалась ли его любимая или уступила кому другому? Сбежали ли они вместе в неведомые края, оставив родителей в отчаянии гадать об их судьбе?

Дуб по-прежнему шелестел листвой, вслушиваясь в разговоры под собой. Он знал одно: любовь приходит, чтобы наполнить сердце радостью, осветить его. Всегда есть время любить, а есть отпускать любовь. Или позволять ей изме-

няться во что-то, более близкое к жизни.

Любовь нельзя запереть. В клетке она застывает, глохнет и пропадает. Начинает нехорошо пахнуть – неоправданными надеждами, призраками прошлого. Перерождается в злобу, подлость, страх. Перестаёт быть любовью.

И какой тогда в ней смысл?

7 – "Ветер фэйри", сказка дня

– Все фэйри как фэйри, одна ты странная, словно подкидыш, – отчитывала одну маленькую фэйри мать. – И что придумала – с другими не соревноваться. Мы же фэйри, мы любим доказывать, что мы самые-самые. И волшебники самые лучшие, и летаем, и пакости лучше всех делаем.

Маленькая фэйри внимательно слушала мать и думала: «Не хочу быть лучше всех, хочу своим делом заниматься, а не с другими соревноваться».

И когда её мать, отчитав дочь, улетела по делам, маленькая фэйри тихонько выскользнула из дома и полетела в свой укромный уголок. Там, среди двух могучих дубов, в сплетении корней, она разводила светлячков. А потом относила их в самые тёмные чащи и болота, чтобы они светили, освещали путникам лес и помогали выбраться на правильный путь.

Другие фэйри смеялись над таким увлечением. Они-то, наоборот, любили посмеяться, подшутить над заблудшим путником. Завести его ещё дальше в трясины и потом наблюдать, как он беспомощно машет руками и зовёт на помощь, пытаясь выбраться.

Они ловили светлячков и пересаживали на самые опасные тропы, чтобы люди плутали в лесу и гибли. И каждую ночь маленькая фэйри снова и снова рассаживала светлячков туда, где заблудившиеся могли выйти из тёмной чащи и найти

верный путь.

Со временем другим фэйри надоело смеяться над странной маленькой соплеменницей. Ведь у них было полно других забот: похвастаться друг перед другом очередной пакостью, подставить «подножку» соседу, устроить соревнования «кто быстрее долетит до края леса». И теперь никто не мешал маленькой фэйри спокойно заниматься своим делом – разводить светлячков и помогать выходить на верный путь.

8 – "Сила", сказка дня

– Красная шапочка, ты должна выйти замуж за дровосека! – сказала мама.

– Нет! – прозвучало твёрдо и решительно. Красная шапочка перед зеркалом примеряла красный же плащ, внимательно оглядывая себя со всех сторон.

– Но как же... как же? Красная шапочка, ты что? Он же спас тебя от серого волка? Ты должна его отблагодарить.

– Подарив ему душу и тело? Мама, тебе не кажется, что это немного неравноценный обмен, – скептически подняла бровь девушка, повернувшись к матери. Красный плащ горел на её плечах багряным вызовом.

– Но, дочь, – женщина не знала, как объяснить внезапно выросшей девочке правила игры, ведущейся веками: женщина попадает в беду, мужчина её спасает и в благодарность та становится его женой. – Он ведь спас тебе жизнь.

– Мама, а меня спросили: оно мне надо? Я уже договори-лась с волком, он бы отнёс весточку бабушке, что всё хорошо, и помог бы мне добраться до дальнего края леса. Как раз и пирожки бы в дороге пригодились. А этот необтёсанный дровосек, который мне совсем не нравится, подкараулил его у бабушки, раз, два, махнул своим топорищем, и нет моего волка.

– Договорилась с волком? – воскликнула мама. – Как мож-

но договориться с волком? Он – большой, страшный, злой! Чудовище!

– Сами вы злые, – фыркнула девушка, примерявшая уже красную шапочку. – Загнали страхи в глубину, перестали их понимать и слушать, и сами же испугались.

– А зачем тебе на дальний край леса? – до матери, наконец, дошёл смысл ранее сказанного дочерью.

– Как зачем? Увидеть мир, открыть новое, интересное. Это вам нравится здесь сидеть, в этом ограниченном пространстве. Единственная радость – убивать страхи и выходить замуж за тех, кто, типа, спас от жестокого мира. А потом печь бесконечные пирожки и шить красные шапочки. И никто даже не пытается прислушаться к себе, что хочется на самом деле.

– Но...но, – начала заикаться женщина. – Как ты сможешь одна, в большом мире. Тебя же обидят, украдут, убьют, – она в ужасе прижала ладони к щекам.

– Да, да, – дочь покачала головой. – Вот в том и проблема. Сидя в своём уютном мирке между мужем-спасителем, пирожками и шапочками, вы совсем забыли, что в каждой женщине живёт сила. Пользоваться ею разучились. А чем не пользуешься, исчезает. Ну, или как минимум протухает.

– Что ты, доченька, – мать ещё была полна решимости отговорить дочь от совершения сумасбродных поступков. – Сила – это же не про женщин. Это вот к мужчинам, они сильные. Лес рубят, дома строят, нас от волков защищают.

– Ой, мама, ну как можно было так всё забыть, – покачала головой девушка. – Я говорю не о мужской силе. Она, конечно, активная, мощная, где не получается пройти, пробьём дорогу, разрушим стены. Женская сила другая. Как тебе объяснить-то, если ты ничего не помнишь уже? Она как этот плащ. Видишь? – и Красная шапочка взмахнула красным лоскутом ткани и продолжила.

– Он не держит форму, мягко облегает и, кажется, не может ни от чего защитить. И всё же защищает – от холода, от дождя, от жёсткой земли. Его нельзя использовать как щит. Невозможно отразить тканью удар меча. Зато можно накинуть и запутать, и тогда меч потеряет свою чётко направленную линию. Как и женская сила. Зачем идти напрямую в атаку на того, кто явно тебя сильнее. Лучше поговорить или убежать, если говорить невозможно. Я же говорю, разучились использовать свою силу, взяли мужское, а у них подругому. И потом удивляемся – почему не получается. Так что, не переживай, мама. Всё будет хорошо.

Под окном раздался свист. Красная шапочка выглянула в окно, кому-то крикнула: «Сейчас», затянула завязки на плаще, взяла очередную корзинку с пирожками, внимательно огляделась вокруг. Мать смотрела на неё с удивлением и ужасом, и сама не знала, какого чувства здесь больше. Когда-то она побоялась вот так уйти из дома, спрятала красный плащ в сундук и вышла замуж за спасителя-дровосека, подчинившись требованиям и обязательствам. А её дочь, Крас-

ная шапочка, внезапно выросла и не боится, совсем не боится.

Женщина вздохнула и мягко обняла дочь:

– Ну что ж, раз решила, препятствовать не буду. Помни об осторожности. И пусть твоя дорога будет счастливой.

Дочь чмокнула мать в мокрую щёку, улыбнулась последний раз и махнула рукой на пороге. Хлопнула дверь, женщина выглянула в окно. Неспешной рысцой по дороге к лесу удалялся большой серый волк, замечая остающиеся в пыли следы пушистым хвостом. На спине его вольно расположилась девушка, укрытая с головы до пят красным плащом. Смело и уверенно она глядела в будущее, не оглядываясь назад.

Её провожали взглядами другие женщины и незаметно утирали слёзы. А кто-то вернулся в дом, отыскал красный плащ и, взяв неизменную корзинку с пирожками, тоже отправился в лес – пробудить силу, найти своего волка, подружиться с ним и отправиться в неведомое.

9 – "Отшельник", сказка дня

На старости лет Иван сбрендил. По крайней мере, так считали его друзья, знакомые, коллеги по работе. Жена, теперь уже бывшая, и вовсе заявила, что у него мозги атрофировались и он несёт всякую чушь.

И только дочь Алёнка, двадцати лет от роду, тонкая и хрупкая, как былинка в поле, внезапно встала на сторону отца. Обняла, прижалась и, чуть привстав на цыпочки, заглядывая в глаза Ивану, прошептала:

– Папа, делай, как знаешь. Я на твоей стороне.

Дочь да старый друг, с которым бегали вместе ещё в сопливом детстве, вот и вся поддержка. И то правда, как понять, когда человек на пике карьеры вдруг сгребается и уходит жить в лес. Ладно, болезнь там была или какая напасть, все бы поняли, а вот так, просто, в глушь уехать и коз разводить, как сказала бывшая. Не понял никто, но хоть сильно препятствовать не стали.

На работе пожали плечами и заявление подписали даже без отработки, главное – дела передать молодому, ретивому, который давно на его место метил и за спиной топтался. С женой развод, который по факту давно состоялся, никто против не был, оформили быстро. Иван ещё попытался с нею поговорить, думалось, может что наладится. Но от той девушки, на которой он когда-то женился по большей любви,

ничего уже не осталось. Да и любовь канула в Лету. Когда именно, за ворохом житейских забот никто не заметил.

Квартиру оставил жене и детям. Впрочем, старший сын давно женился и жил отдельно. Он отцу не сказал ни слова. Молча выслушал и только пожелал удачи, уточнив адрес.

«В гости приедет», – обрадовался Иван про себя.

Сын и правда потом приезжал, редко и только летом, но всё же. Детей привозил, двух пацанов-погодков, жену, что вечно поджимала губы. Не нравился ей деревенский простой быт. А мальчишкам очень даже нравился. Они с удовольствием носились по округе, сидели за удочками у реки, опасно изучали заросли крапивы и лопуха, что начинались сразу за оградой.

Ивану впервые за долгие годы было хорошо. Его небольшой домик в две комнаты притулился возле кромки леса, поодаль от остальных. Деревня тянулась по двум улицам длинными лентами вдоль реки. Там жизнь была ключом, а здесь, в закуточке, было тихо, зимой порой даже дороги не было несколько дней.

Мужчина топил печь, грел чай, заваривал в глиняном чайнике смородиновый лист, чабрец и ягоды земляники, собранные ещё летом и высушенные в тенёчке. Травы расправлялись в горячей воде, терпко пахло смородиной и чабрецом, вплетались сладкие нотки земляники. Иван пил чай с мёдом и смотрел на огонь, приоткрыв дверку печи.

За окном стоял мороз, старательно распуская на оконных

стёклах цветы, а в доме было тепло и уютно. Перед сном Иван выходил на крыльцо, проверял собаку в будке, чтобы не замёрзла, смотрел на высокое, тёмное небо, с которого подмигивали ему звёзды и, вдохнув полной грудью острый ледяной воздух, уходил спать. Под бочок к нему примачивалась Мурка и пела извечную кошачью песенку.

Жизнь в деревне не сладкая. Зимой снег и печка, летом – огород и мошара. Вот только что вода из крана бежит, да и то, Иван её использовал для нужд хозяйственных: постирать, полы помыть. А для готовки и питья брал из колодца, что обнаружился в глубине расчищенного старого сада. Или ходил в лес, к роднику, и набирал там бурлящую, казалось, искрящую самой жизнью, воду.

Уставал ли он? Конечно, уставал. Тело за годы кабинетной работы отвыкло от физической нагрузки и ныло по ночам в самых неожиданных местах. А Иван ещё и подкинул огоньку: соорудил себе турник и между делом, проходя мимо, обязательно подтягивался несколько раз.

На второй год, как и предвещала бывшая жена, завёл коз. Летний день его теперь распределялся между рассветом и закатом, дойкой коз с выгоном их на пастбище и последующим возвращением в сарай, обхаживанием огорода и сада, чтением книг и редкими вылазками в магазин за чем-нибудь необходимым.

Он научился обходиться малым, питаться буквально подножным кормом. Тело постепенно наливалось силой, из

рыхловатого офисного работника Иван перерождился в подтянутого и загорелого сельского жителя. Отмахать несколько десятков километров по лесу для него теперь не составляло никакого труда, и порой он улыбался, вспоминая первый год, когда и три километра заставляли падать без сил.

– И как тебе не скучно одному? – удивлялись его немногочисленные гости. – Особенно зимой. Завоешь от скуки.

Иван усмехался.

– Уж лучше быть одному, но в ладах с собой, чем быть среди людей, оставаясь во внутренних сомнениях и всё равно одному.

Одиночество его не тяготило. До него наконец-то дошёл смысл фразы, прочитанной давным-давно: «С самим собой не может быть скучно. У тебя есть целый мир и этот мир ты».

Но гости не понимали и требовали детального разъяснения. Им, людям, привыкшим к городской суете, было непонятно до сих пор, с какого перепугу Иван отправился в эту глушь. Не просто ушёл с надоевшей работы, сменив одно офисное кресло на другое, не просто развёлся с женой, а вообще поменял всё и кардинально. Из начальника юридического отдела в какие-то отшельники. Однажды в момент откровения, когда они засиделись с другом на веранде под ясными глазами звёзд, Иван сказал:

– Вот вы допытываетесь у меня, спрашиваете, что да как. А как мне объяснить то, что внутри? Здесь я живой. Жизнь настоящая у меня. Понимаешь, я делаю и вижу, что делаю.

Посадил я редиску и через две недели буду её есть. Вот яблоня у меня весной цветёт, летом яблоки соберу. Козы мои тоже, с ними возни много: накормить, убрать, выгнать на пастбище, подоить вовремя. Но это жизнь, понимаешь, жизнь, как она есть. Я её чувствую, потрогать могу, увидеть плоды трудов своих, как бы высокопарно это не звучало.

Раньше, в городе... Не было там жизни, для меня не было. Бумаги, бумаги, конца-края им нет. Каждый день одно и то же, никакого результата.

– А деньги? – перебил друг. – Ты же зарабатывал и хорошо зарабатывал.

– Зарабатывал, – согласно кивнул Иван. – Только вот толку от тех денег. Сами по себе они что дают? Ничего. Типа, я тут самый крутой, царь горы? Нет, это всё обман и иллюзия. Жизнь проходит мимо и ты так и бегаешь в этом колесе, между работой, квартирой, женой, детьми. Детей не видишь, жену не видишь, одни только коллеги на работе в глазах стоят.

– Да и не устаёшь почти, никакой тяжелой работы. Ты-то здесь пашешь с утра до вечера, а там ничего такого делать не надо, – возразил друг.

– Устаю, – не стал спорить Иван. – В городе действительно не уставал. Только я тебе не об этом толкую. Я о другом, о жизни. Здесь я её течение чувствую, каждый день, каждый час. Они все разные, эти дни, все наполнены чем-то, пусть той же работой. Да и усталость, она же хорошая, она про жи-

вое, настоящее. Здесь всё настоящее – лето, зима, весна.

– Что же теперь всем в лес ехать? – усмехнулся друг.

– Зачем всем, – Иван продолжал гнуть свою линию. – Если все сюда приедут, будет тот же город. Нет, сюда надо ехать только тому, кто с собой оставаться один на один не боится. Кто в свою душу умеет заглядывать и ответы честно находить. Кого одиночество не пугает, кто с ним умеет дружить.

– Ну ладно, я понял, тебе нравится, хорошо, – сдаваясь, поднял ладони вверх друг.

– Но всё же, – попытался он привести ещё один аргумент. – Как тут развиваться, в деревне. Люди простые, говорить с ними не о чем. Ни театров, ни кино, ни культурных мероприятий. Дегradировать можно в два счёта.

– Дегradировать можно и в городе, – иронично сказал Иван. – Много у тебя знакомых по культурным мероприятиям ходят? Сам-то ты давно в театре был? Да и книги какие читают, если вообще читают. Неважно, где человек живёт – в городе ли, в лесу. Важно, как он сам свою жизнь строит и чего на самом деле хочет.

Друг молча кивнул головой, окончательно сдаваясь. На небе сияли звёзды, играли в траве на крошечных скрипочках кузнечики, самозабвенно пела где-то в лесной чаще ночная птица. Жизнь шла своим чередом.

10 – "Волшебное колесо", сказка дня

Катится колесо, катится, по кочкам, по горкам. Собирает радости и горести, обиды и прощения. Не простое-то колесо, волшебное. В нём вся жизнь человеческая, как она есть, со взлётами и падениями.

Слаб человек, пугают его печали и горести, хочется ему подольше остаться в радости и счастье. Пытается он колесо своё удержать, не даёт ему катиться. А ну, как на следующем повороте макнётся колесо в лужу, окатит грязной водицей, занавесит жизнь серыми красками. Страшно.

Да только-то неведомо человеку, что, пытаясь колесо удержать, тем самым он жизнь свою останавливает, плесенью покрывается да мхом. Под лежачий камень не только водица не течёт, жизнь там тоже водится сонная да болотная. Тиной затянется, только и останется, что квакать, словно лягушка пучеглазая.

Страшно, ух, как страшно вперёд шагать, колесу своему позволять крутиться. А надо. Нет движения – нет жизни. Киснет всё, а потом пропадает. Укусом пахнуть начинает.

Проверь себя: не закисла ли ты? Не начала ли пахнуть укусом? Не покрывлась ли мхом и паутиной?

Пора, пора качнуть твоё колесо, пора трогаться в путь.

Пора разрешить колесу катиться как надо, по нужным путям и маршрутам. Лови жизнь, впускай свежую водицу, промывая водицей той глазки свои, чтобы ясно путь видели и колесо своё, если мхом-паутиной оно покрылось.

Крутится колесо, вертится, жизнь раскручивает и застыть ей не даёт. На то оно и колесо.

11 – "Ловчий", сказка дня

Жил-был на свете человек. По правде сказать, так себе человек, человечиска. Мелкий, злобный, всю жизнь другим гадости делал и тому радовался. А коли попадался ему по пути кто сильный да богатый, начинал перед ним лебезить, добренького и хорошего из себя строить. Умел он к людям в доверие втираться так, что те, хоть и видели нрав его пакостный, прощали и снова доверять начинали. Так и жил долгие годы.

Однажды отправился мужичок с большой компанией в лес, то ли на охоту, то ли просто на прогулку, кто ж его знает, зачем со всеми потащился. Охотник из него тоже так себе, но ружьишко где-то раздобыл, костюм специальный нацепил, сапоги высокие. Ходит, ухмыляется, вот, дескать, какой я, любуйтесь. Мужики другие над ним подсмеиваются, но вслух ничего не говорят, пусть потешит своё самолюбие.

Началась охота, стали звуки выстрелов раздаваться. Только странное что-то творится, исчезает добыча, как не было. Видит охотник, что попал, а пока доберётся до места, и нет никого. Чешет в затылке, может так, подранил просто? Тоже нехорошо, оставлять мучиться. Ищет, ищет, ничего найти не может.

Настреляли, конечно, но втрое меньше, чем обычно. Что домой нести, чем семью кормить? Пригорюнились все, уста-

ли, решили к ночлегу готовиться. Разложили палатки, костры развели, булькают котелки с кашей, фляга по кругу ходит. Не для выпивки, а больше для сугреву и поднятия настроения. Сидят, меж собой всякие байки гуторят да странные дела обсуждают. Что ещё на ночь глядя вспоминать, самое страшное надобно, чтобы потом до ветру из палатки выйти было боязно.

Вот говорит один охотник:

– Не, братцы, хоть режьте вы меня, но нечисто дело с нашей охотой сегодня. Куда добыча делась? И если только поранили зверьё, то куда они ушли и где кровь? Или все мы разом промахнулись?

Мужичок тот здесь же, уши наострил, подсмеивается:

– Так давайте завтра ещё настроляем? Патроны есть, ружья работают. Кто мешает-то?

Замолчали охотники разом, посмотрели тяжело. Наконец, заговорил самый старший:

– Ты у нас тут человек пришлый, не охотник, оттого всякую ересь несёшь. А среди охотников все знают, что нельзя зверя больше нужного для пропитания твоей семьи бить. Иначе худо будет.

– Да от чего худо-то? – недоумевает мужичок.

– Ловчий придёт, – буркнул старший и рассказал легенду старую.

Мол, живёт в лесу Ловчий и следит за сохранением порядка и справедливости. Смотрит, чтобы поддерживалось рав-

новесие, чтобы люди больше нужного из леса не брали и зверей зря не обижали. А кто закон нарушает, того Ловчий накажет. И ничем его не умаслишь, не уговоришь, от наказания не увильнёшь. Один закон у него: сделал дело, будто готов к последствиям.

– Байка это всё, – засмеялся мужичок. – Охотничьи рассказы. Вы как хотите, а я спать.

Развернулся от костра и в дальнюю палатку заполз. Пожали ему вслед плечами другие мужики, ещё немного посидели и тоже разошлись на ночлег. Когда все крепко-накрепко уснули, а на небе всплыла полная луна, щедро обливая всё вокруг молочным светом, мужичок из своей палатки осторожно выбрался и в лес, крадучись, пошёл.

Идёт и под нос себе бормочет:

– Ишь ты, выдумали тоже. Ловчий какой-то. Кто-то для смеха придумал, а эти дураки верят. Могли бы зверья набить да на базар свезти, денежек заработать. Дурни, одним словом.

Подошёл к одному кусту, в сторону ветки отвернул, глядь, под ним заяц неживой лежит, одним из охотников днём подстреленный. Под другим ещё заяц. Хитрый мужичок зачем на охоту-то поехал? Сам он и не собирался ружьём пользоваться, так, для вида взял. Зато замечал, куда добыча после чужого выстрела падала, шустро туда бежал, добычу припрятывал и делал вид, что тоже кого-то караулил. Так и напрягал целую кучу.

Увлёкся сбором, ничего вокруг не слышит, аж подпрыгнул, когда за спиной голос спросил:

– И что ты со всем этим добром делать собираешься? Семья большая, видимо, у тебя?

Повернулся мужичок, в голове мысль бьётся: «нашли другие охотники, надо что-то придумать, как-то оправдаться». Давай скорее отговорки всякие измышлять, а за спиной во все не мужики стоят. Вернее, мужик, но явно чужой. Высокий, борода каштановая рыжиной отливает, весь в шкуры одет, в руках лук держит, а из-за плеча колчан со стрелами выглядывает.

«Ряженный какой-то», – думает мужичок. «То ли ненормальный какой по лесу шастает?»

И грубо так отвечает:

– Ты кто такой? Тебе какое дело, что я со своей добычей делать буду? Может, на базар свезу, людям продам, может, себе оставлю. Иди, куда шёл, своей дорогой.

Прохожий в усы усмехнулся, лук на плечо закинул и ласково так говорит:

– Ловчий я. И в этом лесу испокон веков порядок да закон храню. А закон говорит, что нельзя людям зверя брать больше, чем надо для пропитания себя и семьи. А ты мало того, что своих соратников-охотников обманул, ещё и семьи у тебя никакой нет. Гнилое у тебя нутро, мелкое. Ну что ж, по заслугам и награда. Держи, – и по плечу хлопает ручищей тяжёлой.

Говорит ласково, да только у мужичка от ласки той озноб по коже идёт, так страшно. А уж когда ему Ловчий руку на плечо положил и вовсе к земле пригнулся. Затрясся весь от страха, клонится всё ниже и ниже. Потом не выдержал, побежал прочь, от страшного подальше.

Бежит и не понимает, что с ним такое? Почему кусты выше его стали? Смотрит на руки свои, на ноги, а это вовсе не руки и ноги, лапы уже у него, шерстью серой обросшие, уши на макушке оказались, вверх вытянулись. Доскакал до ручья, глянул в воду. Нет человека, заяц есть, большой, красивый, но заяц.

Понял тогда бывший человек, о какой награде Ловчий говорил, закричал от страха и отчаяния, начал на заячьем лопотать – просить о прощении и снисхождении, клясться, что исправится да жить по-другому начнёт.

Появился перед ним Ловчий, посмотрел на зайца пристально и промолвил:

– Исправишься, говоришь? Ну как справишься по-настоящему, а не на словах, так и шкурка заячья спадёт, снова человеком обернёшься.

И ушёл в темноту чащи лесной.

Проснулись охотники от крика заячьего истошного, выскочили из своих палаток, никого нет вокруг, а на поляне куча добычи лежит. Обрадовались охотники, добычу разобрали и утречком ранним домой уехали, оставив Ловчему щедрые дары, кроме него, кому такое под силу сотворить.

Мужичка-то уже дома хватились. Искали, конечно, да как его найдёшь, коли он зайцем по земле бегаёт. Говорят, до сих пор бегаёт, заячью шубку носит. Не смог, значит, измениться по-настоящему.

12 – "Удерживаемый", Сказка дня

Вокруг всё было так привычно. Знакомо. День ото дня одно и то же. Засасывающее болото обыденности. В нём растворялись желания и мечты, особенно те, что отличались от принятых здесь. Те, что звали куда-то вдаль, за горизонт, в другое, непонятное, невидимое отсюда.

Каждое утро она просыпалась со странным чувством, как будто что-то забыла. Или пообещала и не сделала. Это чувство было мимолётным, кратким, как выдох. И так же, как выдох, оно растворялось в буднем беге дня.

Иногда оно мелькало в разговорах, в текстах, в мыслях. Что-то совсем новое, свежее, яркое, звучное, как прохладный душ в жаркий день. Душа вскидывалась, начинала вглядываться в то, что манило из-за горизонта. Но потом снова сникала и погружалась в привычное серое. Которое хоть и скучное, но такое безопасное.

– Ну, ты и придумала, – смеялись подруги, с которыми она пробовала делиться своими мыслями и мечтами.

– Никто в нашем роду так не делал. И тебе нечего время тратить. Жить надо, как веками установлено, – ворчала родня в ответ на её робкие попытки рассказать о своём внутреннем.

Муж и вовсе хмыкал в ответ и отворачивался к телевизору. Там было интереснее, чем разговоры жены непонятно о

чём. Или привычнее?

Но больше всего сопротивлялось внутреннее. Накопленный жизненный опыт, спрессованный в тугую пружину, сплавленный за годы с родовым знанием, с памятью о потерях и поражениях. Сейчас он надёжно укутывал её, изображая защиту, которая всё больше превращалась в клетку. Клетку безопасности, удушающей, ослепляющей безопасности.

То, что вроде бы должно было защищать от горечи и боли, казалось, не только не защищает, но ещё и усиливает их. Да и куда она должна деться, вся эта боль, если она постоянно живёт внутри. Надёжно закреплённая защитой. Спелёнатая ею, как бинтами.

Но ведь любые бинты рано или поздно надо снимать. Так же, как и отказываться от любого гипса и костыля.

Страшно. Открывать давнюю рану, самостоятельно рвать уже застывшие бинты защиты, корсеты привычности. Заглядывать в себя со скальпелем острых вопросов: Зачем? Для чего? Что вместо этого?

Странно. Пережить первый поток, что хлынет из вскрытой души. Пропустить те чувства и страхи, что там жили, признать их и отпустить. Пожалеть себя, погладить по головке, покачаться в любящих объятьях – пусть даже саму себя за плечи.

И обнаружить, что сейчас не так уж и больно. Увидеть, что выросла. Давно уже выросла и те прошлые страхи, боли не

так уж страшны и чувствительны. Но если бы их не выпустила, то так бы никогда и не узнала, что страшный монстр из детства давно превратился во всего лишь картинку на стене. А предписанные законы и правила можно нарушать – обеда никто не лишит и в угол не поставит.

Она помнила о главном – не забыть соразмерять степень ответственности. Понимать, чем может аукнуться шаг в новое, неведомое. И, возможно, махнуть на него рукой и остаться на месте. Не всем дано открывать новые земли, кому-то надо обживать уже открытые.

Её никто так и не понял. Окружение крутило пальцем у виска, муж после недолгих попыток вернуть прежнюю тихую и покорную жену, собрал вещи и ушёл. Было обидно, да, и горько, она всё же надеялась, что он сможет принять её изменения. Но пусть так. Возвращаться в серую клетку обыденности ей больше не хотелось. И только дети радостно реагировали на мамины нововведения. Они были ещё в том возрасте, когда человек умеет и не боится мечтать. Когда страхи ещё не спеленали в неподвижный корсет защиты.

А она шла к своим мечтам и полузабытым желаниям. Не обращая внимания на разговоры за спиной, на попытки отговорить, на тех, кто перестал с ней общаться и отказывался принять её другой. Пусть. Это был их выбор. Их право. У неё же было своё право и свой выбор. И, шагая в тёплую волну, набегающую с моря на берег, она уже не сомневалась, что он был сделан правильно. И шаг, и выбор.

13 – "Чёрный Шах", сказка дня

Ну что же, детушки, наливайте себе чай да садитесь ближе к очагу. К живому огню, к теплу, что прогоняет мрак и хлад. Пейте чай и слушайте сказочку. Про страшного Чёрного Шаха, что ходил по земле во времена давние. А вы слушайте и на ус мотайте.

Давно это было. Много уж лет прошло и успело забыться. Ходил по земле страшный зверь – Чёрный Шах. Огромный волк с горящими огнём глазами. Неторопливо выплывал он из тумана, что всегда окружал его, и подходил к какому-нибудь дому. Там поднимал вверх морду и выл.

Заслышав его вой, люди начинали дрожать и смотреть друг на друга со слезами: за кем он пришёл на этот раз. Они запирали на ночь двери на крепкие засовы, а окна закрывали плотными ставнями, но ничто не могло остановить Чёрного Шаха. Как туман просачивался он сквозь засовы и ставни и уводил за собой человеческие души. Бесполезно было его упрашивать, приносить дары или пытаться остановить. Беспристрастно и неумолимо делал он свою работу.

Люди боялись и ненавидели Чёрного Шаха, как того, кто нарушал привычный порядок, забирал любимых, уносил дорогих сердцу. И не делал различий между немощным стариком и тем, кто был ещё полон сил. Его именем пугали детей, проклинали непутёвых мужей и недругов.

И только ведающие, те, кто сами стояли на грани миров, видели его настоящую суть. Существа не из крови и плоти, существа, не имеющего явной формы. Суть которого состояла в поддержании равновесия жизни и смерти. Он всего лишь забирал тех, чья нить жизнь была окончена. Давая дорогу новому. Помогая колесу жизни не останавливаться ни на миг.

В домике у самого леса болела маленькая девочка. Болела она с самой зимы, всю весну и лето. Вот уже и осень вступила в свои права, но ребёнок так и не поднялся с кровати. И бедная мать с ужасом ждала, когда рядом раздастся вой Чёрного Шаха.

Он пришёл ночью, тихо, что было для него несвойственно. Утомлённая ночными бдениями мать спала, притулившись у кровати дочери. Та же, с красными, горячечными пятнами на щёках и блестящими от жара глазами, молча рассматривала большую призрачную фигуру, внезапно соткавшуюся в комнате из туманных нитей.

– Собачка, – сказала девочка, – чуть приподняв тонкую, бледную ручку и тут же бессильно уронив её на пёстрое одеяло.

Голос был слаб и еле слышен. Но Чёрному Шаху он не был нужен, такие существа умеют слышать голос души.

– Я не собачка, – проворчал он. – Я – Чёрный Шах.

– А, ну да, – прошептала девочка. – Мама боялась, что ты меня заберёшь. Только я не могу ходить, ножки болят. Ты

позволишь мне взобраться тебе на спину?

Чёрный Шах даже растерялся, если вообще такое существо может испытывать какие-то эмоции. Обычно люди его боялись, забивались в угол и прятались. А этот ребёнок ведёт себя странно, ещё и покатать просит.

– Ты меня совсем не боишься? – недоумённо спросил он девочку.

Та слабо улыбнулась и мотнула головой по подушке, обозначая отрицание.

– Нет. Я давно болею, мама постоянно плачет, мне ничего не помогает. Устала болеть и мама со мной устала. Мне её жалко. Там, куда ты уводишь людей, там будет что-нибудь болеть?

– На той стороне ничего не болит. Там живут души, а не тела, – проворчал Чёрный Шах. – Ладно, полежи, мне надо кое-чего уточнить.

И исчез, как будто его не было. Залаяла в будке на дворе собака, заворочалась потревоженная мать. Она подскочила, бросилась к дочери, но та спала. Крепким сном здорового ребёнка. Лоб больше не горел, щёки стали обычного цвета без всякого неестественного румянца да и выглядела девочка куда как лучше.

Мать прижала руки к груди. «Неужели отступила болезнь? – думала она. – Неужели мы победили эту хворь?».

А где-то за гранью шёл яростный спор. Спорили Чёрный Шах и высокая статная женщина с чёрными длинными во-

лосами и в чёрном же платье.

– Ты с ума сошёл?! – в который раз вопрошала Богиня. – Сбрендил, от людей нахватался? Хочешь, дам тебе отпуск. Сходишь куда-нибудь, развеешься. Чего выдумал-то? Кого я поставлю на твоё место?

– Поставь Смерть, – рыкнул Чёрный Шах и кивнул головой в сторону, где стояла, прижавшись к стене, другая женщина. – Она давно у тебя просит какого-нибудь нормально-го дела.

Смерть отлепилась от стены и умоляюще посмотрела на Морану. Та поморщилась.

– Сговорились. Ладно, что с тобой сделаешь, всё равно сбежишь. Отпущу. Но только после того, как преемницу обучишь. Не мне же самой по людям ходить, нити резать. Мне и со станком хлопот хватает.

Но её уже не слушали. Смерть убежала в подземную кузню ковать себе косу, Чёрный Шах пошёл с нею, по дороге рассказывая все премудрости и тонкости.

– Ох, вот вроде существа неземные, бестелесные, а ведут себя порой хуже человеческих детей, – покачала им вслед головой Морана и пошла, улыбаясь, по своим делам. Она-то точно знала, что именно так произойдёт рано или поздно, кому не знать, как богине судьбы.

На землю снова пришло лето, благословенная пора. Во дворе домика у самого края леса играла девочка. Она расаживала кукол на большом бревне и разговаривала с ними,

воображая, что они пришли к ней в гости. Мама пока не отпускала её играть за двор, хотя болезнь и отступила, но силы к ребёнку возвращались медленно. Другие дети тоже не всегда могли прийти поиграть с нею, и потому девочке часто приходилось быть в одиночестве.

Но она не скучала. После встречи с Чёрным Шахом что-то в ней изменилось, исчез страх и появилась странная уверенность в себе. Более того, девочка стала видеть течение жизни в других. Места, где оно прерывается, там дремала или уже всю разворачивалась болезнь. И места, где жизненная сила текла, как положено.

Во двор вошла и улеглась большая чёрная собака. На первый взгляд она ничем не отличалась от других собак, вот только если приглядеться, глаза её горели чуть видимым красным светом.

– Ты вернулся?

Девочка кинулась обниматься и, прижимаясь к густой шерсти где-то в области собачьей шеи, прошептала:

– Я скучала.

– Я тоже, – неожиданно для себя ответил Чёрный Шах, а это именно он и был. – Давай рассказывай, что тут происходило.

Девочка выросла и стала сильной знахаркой. Ходила по городам и весям и помогала исцеляться людям. Она точно знала, кому сколько отведено времени и никогда не бралась за тех, чья нить жизни подходила к концу. Неотступно за ней

всегда следовал большой чёрный пёс, охранял, как думали люди. Был другом, как знала сама знахарка и Чёрный Шах.

Говорят, они до сих пор бродят по земле, появляясь то там, то здесь. И никто уже не узнаёт страшного Чёрного Шаха. Вместо него ходит Смерть с острой косой. Но она не воет, приходит тихо и молча обрезает нить.

Крутится Колесо, идёт жизнь. Чему суждено уйти, уходит, чему суждено родиться, рождается. И нет хуже заделья, чем пытаться остановить этот вечный круг.

14 – "Кузница", сказка дня

– Стук, стук, – стучат молоты и молотки.

– Дзынь, дзынь, – отзывается железо и сталь.

– Шшш, – шипит раскалённый металл в объятых холодной воды.

Трудятся молодцы-кузнецы, дружно, споро, пот утирают со лба, что из-под косынок в глаза стекает. Ух, и весело идёт работа, куётся железо, куётся сталь. Кому оружие, кому плуг. Кому землю родную защищать, кому пахать, урожай возделывать, воинов кормить, женщин и деток больших и малых.

Полыхает огонь, трещат искры, дышат меха. Снуют туда-сюда подмастерья между мастерами, юркие, верткие. Приглядываются, учатся. Кто-то и сам вскорости встанет к горну да наковальне, возьмёт в руки молоток, выкует свой первый меч. А может и нож, что задаст мастер, то и сделает. И коли решит старший, что достоин подмастерье, то возьмёт его в ученики. Повяжет ему фартук из кожи толстой, воловьей, на голову косынку красную, огненную, как огонь в очаге, и станет самолично знания да умения передавать.

Всё здесь важно: ловкость и сила в руках, острый глаз, память да смекалка, чтобы мельчайшие детали выхватывать и запоминать. А пуще всего прочего нужно мастеру настоящему – огонь в сердце. Чтобы дело не только в руках горело да спорилось, но и в душе звало. Так иной мастер ночь спать не

будет, думу думать да приноровляться, как сладиться с тем, что не поддаётся с первого раза, что требует по-новому на него посмотреть да что-нибудь этакое измыслить.

Не спит мастер, ворочается в кровати. Проснётся жена рядом, проворчит: «Ну чего ворохаешься, спи уже». Угомонится вроде мастер, а думки в голове вертятся, так и сяк примеряются, как с загадкой справиться. Подхватится он прямо посередь ночи, подскочит, прибежит в кузню, фартук второпях натянет и давай мысль пойманную воплощать.

Придут утром другие мастера, глядь, спит посередке кузни, а рядом меч узорчатый, коего в краях их ещё и не творили доселе. Рассмотрят творение то, поудивляются и начнут секрет перенимать. Не принято среди мастеров настоящих таиться друг от друга, общее дело делается, на общее благо. Так и живут общим: вместе работают, вместе отдыхают.

А коли подкрадётся беда-несчастье к кому, то и общим кругом соберутся с поддержкой да помощью, обогреют после и к жизни вернут, коли тоска-кручина чёрным покрывалом кого прикроет. Горит в сердце мастеров-кузнецов огонь неутолимый, горит-полыхает, кровь разжигает. Как работают, так и отдыхают, весело, с огоньком, жён своих любят и оберегают, деток холят и лелеют.

Знают кузнецы один секрет, от огня подслушанный: пока горишь, то и живёшь настоящим, живым. А как поддался тоске-унынию, огонь свой дозволил загасить, то и нет уже жизни там. Так что бросай это дело, раздувай меха, бери мо-

лот в руки и куй свою жизнь заново, перековывая как надобно. И помни: ремесло даётся упорным и настырным, не боящимся пробовать да ошибаться.

15 – "Обманщик", сказка дня

Жили-были муж с женой в одном селе. Звали их Иван и Настасья. Хорошо жили, редко-редко ругались. Да и то, если поругаются, поссорятся, так быстро помирятся. Ходили друг за дружкой, как нитка за иглой, куда муж, туда и жена, куда жена, туда и муж. Всё вместе сделали и всё у них спорилось да ладилось.

Отправился однажды муж в город по делам хозяйственным, то-сё прикупить. Пришёл на базар, а там ярмарка. Прилавки раскинуты, торговцы к себе зазывают, товар свой расхваливают и мимо идти не велят. Походил муж туда-сюда, купил, что надобно, и уже было в сторону дома ноги повернул.

Да тут слышит голос из-за одного прилавка:

– А что это ты, добрый молодец, мимо идёшь? Что ко мне не заходишь?

Стоит за прилавком дева-краса, огненная коса, глаза зелёню кошачьей отливают. Стоит, на Ивана смотрит, усмеяется.

А тот остолбенел на месте, никогда такой красоты не видел. Поманила его красавица пальчиком, он за ней и пошёл, как привязанный. Видели, как за прилавок заходил да не видели, чтобы выходил. Пропал мужик, в зелёных глазах заблудился.

Ждала Настасья мужа своего из города, целый день ждала и не дождалась. Уж к вечеру рассказали односельчане, с кем муж в городе остался, куда подевался. Заболело сердце у жены обманутой, запекло в душе, руки опустились.

«Как же так?» – думает. «Как мог он? Ведь дети у нас, семья. А он на красу повёлся. Ну что ж, выбрал свой путь, значит, так тому и быть. Я свой выбор тоже сделаю».

Ушла в дом молча, платок сняла, две косы распустила да на одну переплела, дескать, одинокая с этой поры. Дети стали спрашивать, куда отец запропастился. Она им честно ответила, что переехал отец в город, больше с ними не живёт и жить не будет.

Смотрят другие женщины, как она к колодцу за водой выходит. Извивается по прямой спине коса, платка на голове нет, голову вверх подняла. Поняли всё без слов. Кто-то ещё хотел подсказать, что выручать мужика надо, забрать из рук чужих, загребущих. Да только обманутая жена и слушать не стала, сказала, как отрезала:

– Не телёнок он и не покрали его, чтобы я за ним бегала да назад возвращала. Сделал шаг в сторону, сам выбрал, променял семью и любовь на красу неземную, так тому и быть. Мы с детьми и без него проживём.

Сказала, развернулась так, что коса взлетела и пошла домой. Проводили её бабы другие глазами да и тоже по домам разбрелись. Нашлись ещё охотники, стали к Настасье подкатывать, приголубить несчастную женщину. Получили па-

ру раз коромыслом по спине, а одному и вовсе ведром тяжёлым прилетело, и успокоились, обходят дом Настасьин по дуге большой.

Стала она с детьми жить-поживать лучше прежнего. Дети помогают матери во всем, и сама целый день трудится. Всё у них складно да ладно.

Так прошло лето и зима прокатила. Откуда не возьмись по весне, как растаяло уже всё и новая трава в рост пошла, прикатил из города на бричке Иван. Весь сытый-холёный, довольством так и светится.

Прикатил да к дому бывшему своему сразу направился. Просит у Настасьи разрешения детей повидать. Вышла та на крыльцо, смотрит на мужа бывшего, спокойная-спокойная, ни улыбки на лице, ни возмущения. Ровно чужой человек перед ней.

Покоробило то Ивана. Как же так, столько лет вместе, такая любовь была, а тут стоит, как истукан каменный, неужто забыла уже.

Настасья Ивану отвечает:

– Какая тебе в том разница, что у меня в душе творится? Ты забыл про меня и детей, умчался и не вспомнил. Почему я должна по тебе страдать? Мне некогда. Сделал выбор, так и живи в нём. Я свой тоже сделала.

Разозлился Иван, закричал на жену бывшую:

– Да как ты смеешь так со мной разговаривать?! Вот возьми и вернись.

Помолчала Настасья и говорит:

– Езжай ты, Иван, обратно, откуда приехал. Мне ты не нужен боле. Разбитую чашку склеить можно, только трещины останутся. И в трещины те всё, что угодно утекает да просыпается. Негодная уже чашка.

Повернулась и в дом ушла. А дети даже на порог не вышли, как не звал их Иван, не захотели. Из окон посмотрели и отвернулись.

Пришлось Ивану в город не солоно хлебавши возвращаться. Едет и возмущается: «Как она посмела так быстро меня забыть? Я, может, погулял бы и вернулся. Ишь ты, жена называется. Правильно, что ушёл от неё. Видимо и не любила никогда на самом деле».

И неведомо Ивану, что закончит жизнь свою он в одиночестве, никому не нужным. А Настасья найдёт себе мужчину по душе, которого и возвращать не надо. Потому как умеет ценить то, что у него есть и на соблазны всякие сиюминутные не поддаваться.

16 - "Безумие", сказка дня

Жил на свете человек богатый. Богатство его было так велико, что он и сам не знал точно, сколько золота лежит в сундуках, сколько заводов и фабрик ему принадлежит и сколько людей на него работают. Для этого у богача имелись специальные помощники. Вот они-то и считали точно, кто, что и сколько. Богач же с утра до ночи сидел в своём кабинете, подписывал бесконечные бумаги, которые приносили ему помощники, и разговаривал по телефону, решая, несомненно, важные дела. Обедал и ужинал там же, и только ближе к ночи возвращался домой.

Имелись у богача жена и дети, у которых не было нужды в деньгах, но очень уж им не хватало мужа и отца. А тот не понимал, что от него хотят, он ведь обеспечивал их полностью. Когда жена ему говорила, что ей хочется внимания или дети просили провести с ними чуть больше времени, богач отмахивался и ворчал, что всё это какие-то глупости. Он привык, что у него всегда есть любящая жена, хорошие дети, верные помощники. И вся жизнь его была выстроена по чёткому, выверенному плану.

Пока однажды...

В стране, где проживал богач, стало опасно жить. Ситуация ухудшалась с каждым днём, помощники говорили, что надо перевозить дело и семью в другую страну, и даже уже

всё подготовили, но богач никак не хотел ничего менять. Ему было страшно, что его такой выверенный годами, давным-давно распланированный, график жизни рухнет. И он перестанет контролировать происходящее, погребённый под обломками прошлого.

Пока он сопротивлялся изменениям, ситуация становилась всё хуже, и случилось так, что главное здание, где всегда работал богач, было разрушено. Не совсем, но оставаться в нём было опасно для жизни, а восстановление ... Проще построить новое.

Увидев такие дела, никто уже не стал слушать богача. Жена с помощниками собрали то, что смогли, и перевезли в другую страну. Купили там дом, фабрику и снова начали работать. Богача, конечно, никто не оставил в разрушенном здании, его почти силой увезли, но на новом месте он никак не мог забыть своё прошлое. Ходил и постоянно вспоминал, страдал, что нельзя туда вернуться и изменить уже случившееся. Делами заниматься он больше не мог, все мысли его были о том, что произошло.

Прошло несколько лет. За это время жена богача с детьми и помощниками снова выстроили дела так, что они стали идти ещё лучше, чем раньше, на старом месте. Всё вернулось на круги своя – и богатство, и успешность. Вот только богач так и не смог смириться с потерей и отдал все бразды правления своей жене. А сам тихо сидел дома и постоянно вспоминал, как хорошо было в прошлом, не в силах принять

настоящее. Так и ушёл в мир иной, фактически уже давно в нём находясь. Потому как проживание в прошлом то самое по сути и есть.

17 – "Звёздный свет", сказка дня

В жизни бывает по-разному, в жизни бывает по-всякому. Порой опускаешься на самое дно и кажется, что сил бороться дальше просто нет. Над тобой толща мутной воды, вокруг холод и тьма, в душе тоска. А там, наверху, сияют звёзды, и их серебряный свет острыми лучиками пробивается к тебе. Щекочет нос, стучится в макушку, шепчет:

– Эй! Подними голову, посмотри наверх. Ты – жив и, значит, ничего не потеряно. Значит, ещё есть время исправить. Или, может, начать заново? Или вовсе по-новому?

Звёзды шепчут, стучатся маленькими кулачками-лучиками в твою душу, и ты вдруг вспоминаешь. Вспоминаешь, о чём мечтал, о чём грезил, куда стремился.

Все те неведомые дороги, что хотел пройти.

Все те великие цели, что решался достигнуть.

Великими и неведомыми они являются для тебя. Их могли не понять другие, но жизнь-то твоя, единственная. И в этой жизни у каждого свои звёзды.

«А может?» – сама собой зарождается внутри мысль. «Может вот мой шанс сделать по-другому. Пойти тем самым другим путём, выбрать свои дороги».

Воодушевление на мгновение охватывает тебя, ты приподнимаешься со своего персонального дна...

Вспоминаешь тех, кто предал, кто обидел, кто не помог,

кто бросил, и снова наполняешься тоской и унынием. И ещё глубже зарываешься в придонный ил, закрываешься скорлупой обыденности, мимикрируешь под всех.

– Э, нет, так не пойдёт, – хмурятся звёзды высоко вверху и серебряные лучики сыпятся летним дождём на тебя. Окутывают израненную душу, наполняют надеждой и верой в лучшее.

– Давай, давай, – шепчут они, упорно тянут твою безвольную тушку и уставшую душу, поднимают, вытаскивают из обыденной реальности.

– Давай, по шажочку, по маленькому. Иди, просто иди. Не думай сейчас о том, что было и что будет. Не думай, насколько ты плох или хорош. Просто иди. Надо плакать – плачь, надо грустить – грусти, но иди, – говорят звёзды.

По шажочку, про маленькому, по слезинке, по крохотной, по улыбке, по тихой, строится новая жизнь, новая реальность. Твоя личная реальность, в которой ты можешь выбирать. Себя, друзей, работу, место жизни.

Ты можешь выбрать жизнь. Свою личную жизнь по праву появления на этой земле. Уйти к звёздам никогда не поздно. Они вечны, а жизнь конечна. Просто помни, что даже звёзды на небе за тебя. И доверься их серебряным лучикам. Иди.

18 – "Лунный свет", сказка дня

– Интересно, можно ли уйти по лунной дорожке за горизонт? – рассуждала вслух девушка, сидящая на краю крыши двухэтажного дома. Весело болтая ногами в высоких ботинках со шнуровкой, она отпивала по глоточкам кофе в пластиковом стакане и смотрела куда-то вперёд. На небе царила полная луна и по ленте реки, тянущейся чуть поодаль, стелилась серебристая полоса, сотканная из лунных лучей.

– Бабушка говорила – луна навевает мороки, – продолжала разговаривать сама с собой девушка. – И те, кто верит её обману, теряет свою душу. Но всё же, если допустить на мгновение, что свет материален, куда можно уйти по лунной дорожке?

Девушка совсем ушла в себя и замолчала. По воде стелился лунный свет, где-то далеко в лесу ухал филин, шуршали в траве возле дома какие-то зверьки, в ночной тишине их было слышно очень хорошо. Ползла по земле прохлада, зябко укутывала кожу и невольно заставляла ёжиться.

Кофе горчил на языке прямо как недавний разговор. Девушка сегодня рассталась с любимым человеком, с которым планировала долгую и счастливую жизнь, семью и детей. Он тоже планировал, как бы. Но, видимо, не только с ней. Случайно услышанная фраза, встреча в неурочный час и вот, её любимый уже не только её.

В голове до сих пор звучали слова:

– Тебе жалко, что ли? Ты моя девушка, а это просто, так, прохожие.

И финальное:

– Ну, ты и эгоистка.

Девушка смотрела в ночь и грустные мысли роились в голове.

«Может и эгоистка, но делить любимого человека с кем-то... какая дурацкая, по сути, идея. Зачем мне человек-пирог – кусочек туда, кусочек сюда. Ишь ты, какой щедрый. Нет уж, пусть у меня будет маленькое пирожное, но оно будет только у меня, а не ещё у половины города».

Тихая грусть наполняла душу. Плакать уже не хотелось, слёзы с истерикой «да как он мог, сволочь такая?» были днём после выяснения обстоятельств. Разговоры с подругами будут завтра. Послезавтра девушка отнесёт свою печаль к специалисту и он поможет полноценно прожить, не расставание, нет. С ним как раз всё понятно. Скорее душу саднило от обмана, от собственной слепоты и безграничного доверия. Это-то и надо было поисцелять.

«Ну как же умело наводил тень на плетень, усыплял сомнения, накидывал мороки», – усмехнулась девушка.

Лунная дорожка стала шире, угомонились зверьки, раздавалось томное мяуканье кошки. Кофе кончился. Девушка зевнула и сказала сама себе:

– Пойдём спать, Маша. Погрустила и хватит. Дала волю

чувствам... Под луной хорошо грустить.

Она улыбнулась.

– Завтра будет солнце, под ним не погрустишь, дела надо делать в его свете. А луна самое то. Но хватит, хватит тратить внимание на этого, этого...

Девушка так и не нашла подходящего эпитета. Вместо продолжения фразы она аккуратно отодвинулась от края крыши, поднялась на ноги и ушла домой, аккуратно прикрыв за собой тяжёлую чердачную дверь. Вдруг кому ещё захочется разделить свою грусть с луной. Лучше так, чем запереть печаль в себе и потом уйти по лунной дорожке туда, откуда не возвращаются.

19 – "Солнечный луч", сказка дня

Зачиналось утро. Первый луч солнца пробился сквозь листву и упал на землю. Следом за ним в темноту лесной чащи соскользнул второй, третий. А потом лучи собрались и ворвались в лес все разом световым мечом, разрезающим ночную тьму, вселяя в души надежду и радость.

Цветы раскрыли лепестки-пальчики, деревья потянулись к свету, птицы завели утренние песни-приветствия. Всё живое радовалось солнцу. И ровным фоном лилась лёгкая мелодия, перескакивала звонкими капельками с листика на листик, с лепестка на лепесток, взбиралась всё выше, выше, прыгала на солнечный лучик и катилась вниз, чтобы снова начать путь наверх.

Сидящий на большой ветке Сатир, молодой, стройный, красивый, если, конечно, не обращать внимания на повышенную мохнатость, рожки на голове и копыта на ногах вместо ступней, самозабвенно рассыпал звонкие нотки через губную гармошку.

– Пиликает и пиликает, и как не надоело, – скрипучий голос откуда-то снизу сбил с толку мелодию, нотки испугались, попрятались кто куда, даже лучики приостановились на своём пути к земле. Сатир лишь рассмеялся и, отодвинув гармошку, взглянул вниз.

– Не ругайся, милая Лесовичка. Утро наступило, солнце

взошло. Новый день начался. Сколько всего переделать можно. Красота! – и Сатир потянулся всем своим сильным и гибким телом.

Лесовиха, сморщенная, в каких-то лохмотьях (или то был мох лесной да листья?), больше похожая на пенёк лесной, чем на живое существо, забранилась ещё пуще. Хотя ей была приятна лесть Сатира, уже давно никто не называл её «милой» да и так ласково, «Лесовичка», тоже не звали.

«Ох, уж этот Сатир, – думает Лесовиха, – уж такой охальник, такой бездельник. День-деньской на ветке валяется да гармошку свою слюнявит».

Бранится она на молодого, красивого, неосознанно молодости его завидуя, а он только подсмеивается. Наконец кончились слова у Лесовихи, выдохлась. Да и что толку зря силы тратить, коли не отвечает, не огрызается, а только смеётся.

Спрыгнул Сатир к ней с ветки своей.

– Ты, – говорит, – бабушка, не ворчи. Лучше посмотри, какой день прекрасный, солнце светит, птицы поют, лес цветёт. Потом зима придёт, всё закроет снежным покрывалом, мы с тобой спать разбредёмся до весны. Только это потом будет. Наслаждайся тем, что здесь. А ты всё ругаешься и ворчишь, словно зима уже пришла и надо нам срочно укрытия искать.

Снова Лесовиха бранится, кулачком махоньким на Сатира замахивается:

– Хорошо тебе говорить, окаянному. Ты вон, какой моло-

дой да здоровый. А я старая уже, скоро совсем пеньком стану неподвижным, а потом и вовсе в землю уйду трухой.

– Дак и я постарею, – отвечает Сатир. – И тоже уйду рано или поздно. Так жизнь устроена. Потому и говорю тебе: радуйся каждому дню. А не жди, когда тебя не станет. Тогда-то уже поздно будет. А старый или молодой, какая разница. Не в возрасте дело, в состоянии души. Способна ли она улыбаться утру и солнцу или совсем мхом заросла. Прощевай, бабушка Лесовичка, побегу по делам своим, пока день ясный.

И Сатир ушёл в глубь леса, насвистывая весёлую мелодию. Нотки тянулись за ним дорожкой, поглядывая на Лесовиху, которая так и стояла задумчиво.

«Мхом заросла. Хм, может он и прав. Да и не станет меня, новая Лесовиха народится. Из моего же пня и станет. Можно сказать, часть меня там будет. И то верно, что думать о том. Пойду делом займусь, пока совсем не пенёк ещё».

Опустела поляна, только так же ложатся солнечные лучи, ткнут постоянно меняющийся узор на траве, цветах, деревьях. Гладят и гладят землю, будят жизнь, дарят радость.

20 – "Собрание зверей", сказка дня

Было ли, не было, но старики бают, что жил-был на свете белом Охотник. Много земель он исходил, много лесов мелькнуло перед его глазами. А уж, сколько зверья он выбил из своего ружья, сколько погибло в его капканах и вовсе не счесть.

Удачливый Охотник был, не боялся ничего, ходил и на медведя, и на тигра. И мелкой тварью не брезговал – зайцев, лисиц, соболей да куниц сотнями складывал в лабазе после охоты. Хитрый, умел голоса звериные передавать так искусно, что приманивал самцов, жаждой любви ослеплённых. Приходили к нему прямо в руки олени, лоси, косули. И погибали.

Набьёт Охотник зверья, полную телегу нагрузит и везёт в город – шкуры отдельно, мясо отдельно, головы отдельно. А кто и целиком закажет зверя грозного – на чучело. Ничем Охотник не брезговал, ни от чего не отказывался, деньги с улыбкой принимал да заказ выполнял. И копилась мошна его, ото дня ко дню всё больше и больше разрасталась.

Так бы и ходил Охотник по лесам да полям, так бы и наносил урон царству звериному, коли бы вот что не случилось. Убил как-то Охотник у молодой лосихи деток её. Только-только они подросли да бегать стали. Оставила их мамка на поляне травку пощипать, а сама отошла.

Откуда не возьмись, налетел на детей Охотник, обрадовался, сама добыча в руки пришла. А те стоят, на него смотрят, никуда не убегают – чудо чудное перед ними, никогда до этого они человека не видели. И пожалуй бы Охотнику деток малых, мимо пройти да разве бы он послушал доводы разума. Раздались в лесу два выстрела, далеко разнеслись в утренней тишине, вскинулась лосиха и понеслась к детям своим, сердцем чуя, что это к ним беда пришла.

Не успела. Остались на поляне только следы Охотника и капельки крови на траве. Вездесущие сороки рассказали безутешной матери, что произошло. И понеслась лосиха, нет, не за Охотником, детей бы она уже не вернула. За возмездием, за отмщением, к Лесному Духу.

В самой глуши, в самой густой, буреломной чаще застыло на веки-вечные озерцо круглое, как блюдце. Живёт в том озере Лесной Дух, туманом по берегам стелется. Туда-то и прибежала лосиха, кинулась в ноги Духу Лесному, закричала-запричитала о беде своей, о горе материнском.

– Что же ты от меня хочешь? – спросил Дух Лесной, поднявшись из озера. Глаза горят, на голове рога ветвятся, руки-лапы с когтями, ноги-лапы с копытами.

– Детей твоих я не смогу вернуть. Судьба у них была такая, охотнику под руку попасть.

– Не прошу я деток вернуть, – выдохнула мать отчаянно. – Прошу наказания для Охотника. Немало он зверья побил-погубил, никем не брезгует, ни детками малыми, ни

мелким зверьём, ни крупным. Ловит нас в ловушки свои хитрые, бьёт из ружья, капканы расставляет. Сам мясо не ест, шкуры не выделяет, всё в город свозит и там продаёт.

Задумался Лесной Дух. От начала времён существует закон негласный, что могут люди в леса да поля за пропитанием ходить, со зверем в борьбу вступать. Коли победит человек, будет ему пища, а коли нет, то сам ею станет. И брать можно ровно столько, сколько ему да его семье надобно. Нарушил Охотник закон древний, стал зверьё ради выгоды бить. Непорядок.

Нахмурился Дух Лесной, лосиху отослал, а сам взялся за дело: справедливость вершить, суд праведный проводить. Пошёл по верхушкам деревьев гул да шум, остановились все звери да птицы, примолкли, стоят, слушают, что Дух Лесной вещает.

А Охотник тем временем уже опять по лесу шагает, ловушки свои проверить да, может, кого по дороге подстрелить. Шагал, шагал, да вдруг встал прямо перед ним олень. Стоит, смотрит смело, не убегает. Обрадовался Охотник: «добыча сама в руки пришла», вскинул ружьё, только хотел выстрелить, а из-под ног оленя барсук выскочил и тоже уселся, смотрит. Охотник даже растерялся, в кого стрелять первого, пока ружьё перезарядишь, второй убежит. Пока думал, на ветку дерева ворон приземлился и сова рядом уселась. И все на Охотника смотрят. Тот аж вспотел. Думает: «Что происходит-то?».

Молчат звери, смотрят и молчат. Следом за птицами Медведь встал позади Оленя могучей горой, лисица юркнула рыжей молнией, зайчишка выскочил, просочился волк серый. Набирается зверьё и набирается, и все на Охотника смотрят.

Испугался Охотник и побежал. Чудится ему, гонятся за ним звери большие и маленькие и каждый норовит в тело вцепиться. Всплывают перед ним картинки, как он зверей всю жизнь убивал да мучил в ловушках своих, как жизни их лишал ради прибыли и заработка. Все законы нарушил, никого не щадил.

Долго ли коротко Охотник по лесу бежал, только выскочил на дорогу. А по дороге мужики с покоса возвращаются. Бежит к ним Охотник, руками машет, сам как лунь седой, глаза вытарашены, одежда порвана, ружьё где-то в лесу осталось, ни за что в нём не признаешь того красавца, каким раньше был.

Ну, крестьяне посмотрели, пожалели убогого, а Охотник и слова сказать не может, только твердит «там, там» и пальцем в лес показывает. Посадили его на телегу, довели до лечебницы и врачам с рук на руки передали.

Лежит Охотник в палате под уколами, дремлет. Вдруг стоят перед глазами его снова звери во всём составе. Вышел вперёд медведь и басом проревел:

– То тебе расплата за содеянное, по трудам твоим. Живи и бойся!

Задёргался Охотник, прибежали врачи, вкололи успокои-

тельного, уснул больной. Спит и шепчет: «по трудам и расплата, по трудам и расплата». А по щекам слёзы бегут, да толку уж плакать. Поздно.

21 – "Целый мир", сказка дня

Мужчина и женщина стояли на пороге доме, от которого, не оглядываясь назад, быстрым шагом уходил юноша. Гордо вскинута вверх голова со светлыми кудрями, небрежно болтается на одном плече куртка, на втором – рюкзак с самым необходимым, во всей осанке чётко читается радость и предвкушение пути.

Женщина всхлипнула. Мужчина погладил её по напряжённой спине, добродушно проворчал:

– Ладно тебе. Всё у него получится. Он справится. Его давно было пора отпустить.

Женщина вытерла мокрые глаза и, покачав головой, уткнулась лбом в мужское плечо:

– Я знаю, что пора, знаю, что надо. Но материнское сердце болит, страшно за него. Так бы и затолкала под юбку, и никуда не выпускала.

– Ну, ты прямо напридумывала, – рассмеялся мужчина. – Страшно, под юбку. Как он у тебя под юбкой будет жить? Большеват уже, не поместится. Сама же понимаешь, надо детей вовремя отпускать. Пока ему хочется, пока запал и ярость на освоение есть. Ты вот не осталась с родителями жить, тоже ушла в свою дорогу.

– Да, – прошептала женщина. – Не ушла бы, не встретила бы тебя.

– Вот видишь, – мужчина по-прежнему улыбался, – и он встретит свою судьбу. И, я надеюсь, проживёт достойно, как мы с тобой. Найдёт свои пути-дороги или наши повторит, это уже ему решать. Мы с тобой всё, что могли, сделали. Вложили. Наше дело теперь – ждать весточки.

– Ждать, – вздохнула женщина, успокаиваясь. – Ох уж это родительское ждать. Сначала ждёшь, пока он родится. Потом пока начнёт говорить и ходить. Потом, когда вырастет. А потом, когда пришлёт весточку.

Из дома на порог вдруг высыпалась куча мала, в которой смешалось несколько детей разных возрастов.

– Мама, папа, – кричала маленькая девчонка в зелёном сарафанчике, с туго заплетёнными косичками, из которых, тем не менее, выпрыгивали непослушные вихры. – Мама, а Ванька опять кошку за шкурку таскал.

– У, ябеда! – сверкнул глазами мальчишка постарше с такими же вихрастыми волнами на голове. И тут же с удовольствием наябедничал сам: – А Катька кошку за хвост тянула и та её поцарапала. Вот!

Другие дети загомонили что-то своё. Мужчина и женщина, обнявшись, с тёплой улыбкой смотрели на всё это сборище: шумное, разноголосое, машущее руками и ногами.

– Вот видишь, – сказал мужчина на ушко женщине. – Некогда грустить, этим теперь надо ума-разума в голову вложить.

– И они разлетятся кто куда, – ответила задумчиво жен-

щина.

– Разлетятся, кто же спорит. Да, глядишь, кто-нибудь и останется. А не останется, так отдохнём, займёмся собой, своими делами.

– Ага, – рассмеялась женщина, – так тебе и дадут свои дела делать. Внуков привезут, сами примчатся.

– Вот и хорошо, – ответил мужчина, – значит, скучать будет некогда. И обращаясь к детям, громко сказал:

– А пойдёте пить чай с баранками, чтобы у Матвея путь был лёгкий и радостный.

– Ура! – хором закричали и запрыгали дети. – Чай! С баранками! Ура, Матвею путь подсластим.

И вся компания скрылась в доме.

Шёл по дороге юноша с кудрявой головой, нёс в ней грандиозные планы и улыбался, предчувствуя новое. Ему некогда оглядываться на родителей, которые остались на пороге родного дома. Перед ним целый мир, мир возможностей, мир неизведанных путей.

Конечно, будут ещё минуты сомнения и разочарования. Будут попытки вернуться туда, где всегда ждут и любят. Но потом, отдышавшись и зализав раны, он снова отправится в путь. Потому что каждый ребёнок должен рано или поздно, лучше в своё время, повзрослеть и сам проторить свою дорогу.

И даже если родительский дом не смог дать нужного тепла и любви, стоит перестать возвращаться туда в поисках то-

го, чего не было изначально. Стоит самому отпустить себя внутри и пойти всё-таки своей дорогой, не оглядываясь назад. Все дети рано или поздно должны вырасти и начать летать на собственных крыльях.

А бывает и, наоборот, кого-то пора отпустить из своей жизни. Может быть, это не человек, а вещь или дело. Иногда люди, дела, вещи уходят потому, что пришло время. И если не отпустить, не начать новую дорогу без этого, ты никогда не шагнёшь в неизведанное и не узнаешь его изнутри. Не узнаешь, что другое могло произойти там. Но выбор, как всегда, за тобой.

ЗАКЛЯТИЯ

Туз заклятий, сказка дня

Жил да был на свете дракон. Нет, не так, а так – Дракон, с большой буквы. Имени у него отродясь не было и считал он себя самым-самым, потому и не заморачивался такими вещами.

Дракон уж очень любил себя. Как усядется вечером перед зеркалом большим и давай так и сяк перед ним вертеться. Гребень то поднимет, то опустит, то правым боком повернётся, то левым, то крылья развернёт, то хвостом махнёт. И сам же себя нахваливает:

– Какой же я красивый! Какой же я мощный! Какие у меня крылья сильные, когти крепкие, лапы цепкие! Хорош, во всём хорош.

Повертится, полюбуется и спать. Наутро поднимется и на охоту за овцами глупыми да коровами неповоротливыми. Наловит, огнём опалит и слопаёт. А потом снова сам себе хвалится.

Дракон, в самом деле, был хорош – большой, сильный, летит по небу, чешуёй зеленоватой на солнце отликает. Люди внизу головы задерут, восхищаются. Людей-то Дракон не трогал, брезговал, болтливые они, дескать, да и вроде разумные. Не трогал, в общем, людей. Конечно, не потому, что равными себе признавал, таковыми он никого не считал, просто находил причины, вроде как свою совесть успокаивает.

вая.

Вот улетел как-то Дракон на очередную охоту, а когда домой вернулся, в родную пещеру, увидел перед зеркалом своим фигурку маленькую. Смотрит Дракон и глазам не верит. Стоит девчонка махонькая, чумазая, две косички жиденькие по бокам в разные стороны торчат. Сама в комбинезончик синий одета, а на ногах ботинки разбитые и великоватые, на ногах болтаются.

Залетел Дракон в пещеру и давай огонь напускать, недолго разбираясь, что за непрошенная гостья к нему пожаловала. А та не лыком шита оказалась, спряталась за зеркало драконье.

«Вот хитрюшка», – думает Дракон. Всем известно: в его пещере зеркало специальное, никаким огнём не повреждаемое и драконьим в том числе. А девчонка тем временем подождала, пока Дракон немного успокоился и огнём пыхать перестал, из-за зеркала высунулась:

– Ну что, дальше пыхтеть будешь или поговорим?

Рыкнул Дракон недовольно: «Ну, говори», улётся поудобнее, а сам голову поближе к нахалке подвинул, чтобы, значит, было удобнее её зубами схватить. Хоть и не ел он людей, но ведь эта пигалица все границы перешла, можно и нарушить принципы, чтоб другим неповадно было. А то, как начнут по пещерам драконовым шастать, будет проходной двор, а не пещера.

Девчонка тоже поудобнее уселась и давай рассказывать, с

чем пришла:

– Ты вот, Дракон, и красивый, и сильный, и лучше тебя в мире нет. Когда ты пролетаешь над селеньями, люди рот открывают в восхищении.

Слушает Дракон, нравится ему, как гостя его нахваливает, расслабился совсем. А та продолжает:

– Вот только одна беда у тебя есть, непорядок. Другие драконы давно тебя в этом обошли.

Дракон аж проснулся сразу, успел уже задремать под речи сладкие. Проснулся, открыл глазищи жёлтые, зашипел по-змеиному на нахалку:

– Какая это у меня беда? В чём меня другие драконы обскакали? Я тут самый лучший, нет никого меня лучше. Сама же говорила. Или наврала мне?

И огромной горой навис сверху. Девчонка голову задрала, улыбнулась как ни в чём не бывало и спокойно продолжила:

– Сокровищницы у тебя нет. Даже самой завалющейся. Сундуков с сокровищами, да просто горы золота. Ни монетки, ни камушка драгоценного. Вот только зеркало это, но таких у вашего драконьего народа в каждой пещере. Надо тебе сокровищницу завести и непременно самую большую.

Хотел было Дракон всё же слопать незваную гостью, которая речи дерзкие говорит, да призадумался. Ведь и правда, нет у него сокровищницы. Он, конечно, знал, что драконам положено любить монеты и драгоценности, но у него уже было самое главное сокровище в мире – он сам. Зачем ему

холодный металл, если у него есть горячий огонь? А с другой стороны, без сокровищницы он как бы и не совсем дракон. Ну, уж точно не самый лучший.

Запутался бедный Дракон в раздумьях, совсем забыл о девчонке, а та снова голос подаёт.

– Хочешь, помогу твоему горю?

– И как? – усмехается Дракон. – Сокровища натаскаешь?

– Сокровища ты сам натаскаешь, – смеётся она, – а вот откуда именно, я покажу.

Стало Дракону интересно, откуда малявка эта знает места с сокровищами, головой кивает «давай рассказывай, раз начала». И рассказала. Мол, в дремучем лесу стоит заброшенный замок. Никто в нём давно не живёт, даже тропы заросли, потому как забыли все о замке и его владельцах забыли. А в семье девчонки с давних пор хранится карта, по которой можно к замку тому отправиться и в чаще лесной его отыскать. Семейное предание говорит, что владели тем замком предки девчонки, да по неведомой причине все сгинули, лишь один уцелел, сбежал вовремя. Вот он карту нарисовал и потомкам передал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.